Изданіе В. Яковенко.

…ПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА ДЛЯ НАРОДА.
(41 книжка).

№ 40.

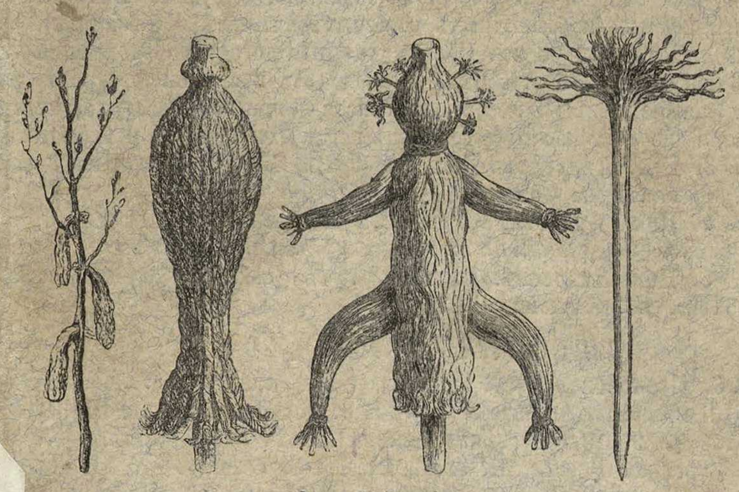
ЧУДЕСА ОБЩЕЖИТІЯ.

ЖИЗНЬ ПЕРВОБЫТНАГО ЧЕЛОВѢКА И СОВРЕМЕННЫХЪ ДИКАРЕЙ

В. ЛУНКЕВИЧА.

СЪ 24 РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

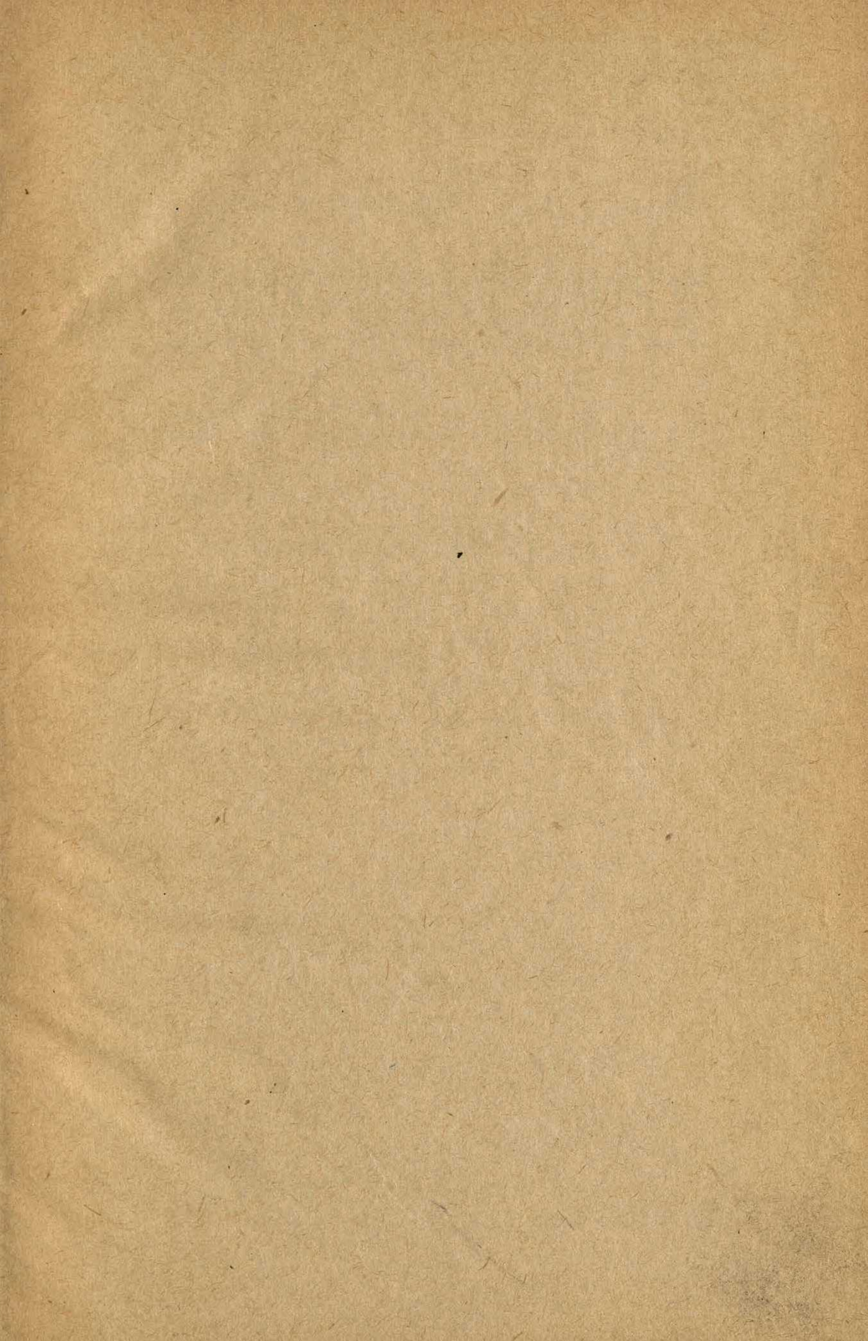
ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

3-ое изданіе.

Цѣна 20 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ (влад. А. Э. Коллинсъ), Мал. Дворянская 19.
1912.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА ДЛЯ НАРОДА.
(41 книжка).

№ 40.

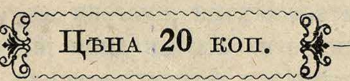
ЧУДЕСА ОБЩЕЖИТІЯ.

ЖИЗНЬ ПЕРВОБЫТНАГО ЧЕЛОВѢКА И СОВРЕМЕННЫХЪ ДИКАРЕЙ.

В. ЛУНКЕВИЧА.

Съ 24 рисунками въ текстѣ.

3-е изданіе.

Цѣна 20 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе В. Яковенко.
1913.

Типографія Ю. Н. Эрлихъ (влад. А. Э. Коллинсъ), М. Дворянская, 19.

ЧУДЕСА ОБЩЕЖИТІЯ.

I.

Обычныя занятія «дикаго человѣка».

Охота на звѣрей и птицъ — одно изъ главныхъ занятій дикарей всѣхъ странъ свѣта. Она же составляла главное занятіе первобытнаго человѣка.

Дикарь на охотѣ положительно великолѣпенъ. Нужно только видѣть, какъ осторожно онъ подкрадывается къ добычѣ и разыскиваетъ ее по слѣдамъ, какъ ловко подражаетъ крикамъ птицъ и звѣрей съ цѣлью заманить ихъ поближе, какъ прекрасно знаетъ онъ повадки и примѣты каждой птицы и каждаго звѣря и какъ искусно пускаетъ въ ходъ то камень, то палку, то копье или стрѣлу,— нужно видѣть все это, чтобъ согласиться, что дикій человѣкъ дѣйствительно великолѣпный охотникъ. Онъ занимается охотою не только по нуждѣ, но и по любви. Бродить цѣлыми днями по лѣсамъ съ копьемъ въ рукахъ и съ колчаномъ стрѣлъ за плечами, выслѣживать добычу, настигать ее невзначай, придумывать хитроумныя засады и ловушки, все это нравится дикарю и тѣшитъ его ребячій умъ и сердце.

Любо смотрѣть на австралійца, когда онъ, вооруженный дубинкой-*бумерангомъ* (см. рис. 1), подкрадывается къ стаѣ попугаевъ, отдыхающихъ на деревѣ. Вотъ охотникъ прицѣлился, размахнулся,—и бумерангъ со свистомъ понесся по воздуху; долетѣвши до ствола, онъ ударился съ силою о землю, подскочилъ, шлепнулся объ одну вѣтку,

потомъ о другую и третью, вновь полетѣлъ обратно въ ту сторону, откуда его бросили, и упалъ чуть ли не у самыхъ ногъ охотника. Ударъ былъ мѣткій. Нѣсколько попугаевъ барахтается на землѣ въ предсмертныхъ судорогахъ. Подобравши добычу, охотникъ идетъ дальше. Ему нужно подстрѣлить еще *кенгуру* (см. рис. 2), и съ этою мыслью онъ отправляется къ источнику и ложится тутъ, съ копьемъ наготовѣ, позади живой изгороди изъ кустовъ. Нѣсколько времени спустя, къ источнику приходитъ на водопой штукъ пять-шесть кенгуру. Намѣтивши добычу покрупнѣе, австраліецъ пускаетъ въ нее копье. На этотъ разъ ударъ оказывается менѣе удачнымъ. Раненое животное пускается вскачь, а за нимъ стрѣлою несется раздосадованный охотникъ. Онъ будетъ преслѣдовать свою жертву день, другой, останется ночевать въ полѣ, чтобы на утро вновь итти на розыски раненой добычи и, въ концѣ концовъ, добьется таки своего,—вернется домой не съ пустыми руками.

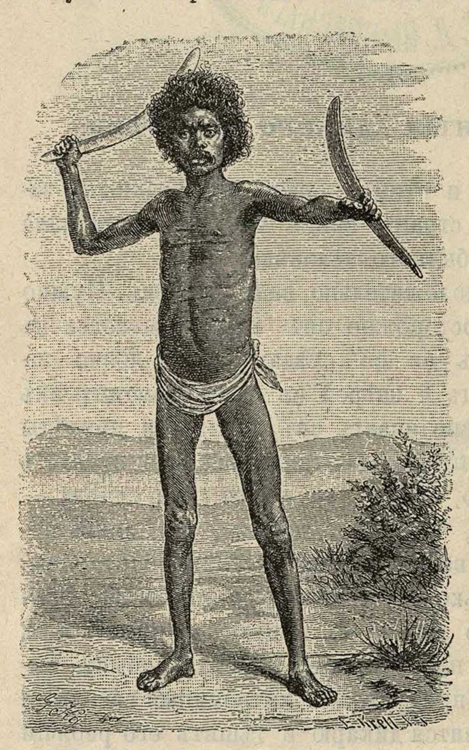

Рис. 1.—Австраліецъ съ бумерангомъ.

Охоту на кенгуру австралійцы ведутъ не только въ одиночку, но и скопомъ. Собравшись въ большемъ числѣ, они устраиваютъ облаву на цѣлое стадо кенгуру. Дикими криками, гиканьемъ и бряцаніемъ оружія они запугиваютъ дичь и сгоняютъ ее на середину облавы, затѣмъ смыкаются все тѣснѣе и тѣснѣе, а тамъ ужъ, подойдя къ животнымъ вплотную, заколачиваютъ ихъ ударами дубинокъ или же закалываютъ копьями. Все это дѣлается съ большимъ умѣніемъ и осторожностью, ловко и дружно, съ вѣрнымъ разсчетомъ на удачный исходъ облавы.

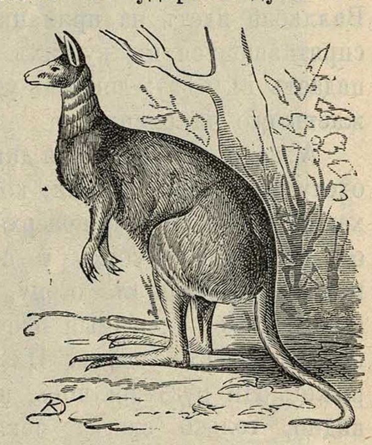

Рис. 2.—Кенгуру.

Разскажу теперь, къ какимъ хитростямъ и уловкамъ прибѣгаетъ дикарь, чтобы незамѣтно подкрасться къ добычѣ или же заманить ее поближе.

Вотъ два индѣйца подбираются къ стаду оленей, которые мирно пасутся на лужайкѣ среди лѣса. Оба охотника выходятъ изъ лѣса и идутъ согнувшись, очень близко одинъ за другимъ. На спинѣ у нихъ оленья шкура. Передній держитъ въ одной рукѣ оленью голову, а въ другой пучокъ вѣтвей, о которыя онъ по временамъ третъ рога головы, дѣлая это примѣрно такъ же, какъ живой олень; у задняго въ рукахъ нѣсколько копій, которыя онъ старательно прячетъ. Медленно подвигаясь впередъ и подражая въ своихъ движеніяхъ движеніямъ живого оленя, охотники незамѣтно входятъ въ середину стада, и тутъ только обманъ открывается: нѣсколько матерыхъ оленей падаютъ подъ ударами копій.

По другому хитритъ австраліецъ на охотѣ за мелкою породой кенгуру (животное *валлабай*). Онъ беретъ длинную палку и привязываетъ къ концу ея ястребиную шкурку съ перьями и головой. Потомъ, засѣвши гдѣ-нибудь въ кустахъ, онъ принимается вертѣть въ рукахъ палку съ чучеломъ и выкрикиваетъ что-то по ястребиному. Издали кажется, что надъ кустами порхаетъ какая-то птица. Валлабай идетъ на приманку, подходитъ очень близко къ спрятавшемуся въ кустахъ охотнику и, разумѣется, попадаетъ въ бѣду: ловкимъ ударомъ копья охотникъ поражаетъ его на смерть...

А вотъ и чернокожій дикарь Африки, собравшійся на охоту за дикими утками, которыя цѣлымъ стадомъ отдыхаютъ на спокойной поверхности озера, не очень далеко отъ берега. Въ рукахъ у него пустая тыква, и больше ничего. Подойдя къ озеру, дикарь напяливаетъ себѣ на голову тыкву по самыя плечи и пускается вплавь по направленію къ уткамъ. Плыветъ онъ удивительно осторожно. Ни рукъ, ни ногъ, ни туловища его совсѣмъ невидно; только слегка покачивающаяся на водѣ тыква показываетъ, гдѣ скрывается хитроумный пловецъ. Черезъ нѣсколько минутъ предательская тыква плаваетъ ужъ среди стада. Тутъ вдругъ происходитъ нѣчто совершенно неожиданное: утки, одна вслѣдъ за другой, исчезаютъ подъ водой, словно какая-то невидимая сила увлекаетъ ихъ на дно озера. Дикарь хватаетъ утокъ снизу за лапы, утаскиваетъ ихъ къ себѣ подъ воду и затыкаетъ за поясъ. Наловивши такимъ образомъ достаточное количество вкусной дичи, онъ прекращаетъ охоту и идетъ довольный домой.

Вотъ, наконецъ, еще одинъ охотникъ. На этотъ разъ онъ — огнеземелецъ. Впрочемъ, и австраліецъ поступаетъ такъ же. Какъ же именно?

Охотникъ—будемъ ужъ для большаго почета называт

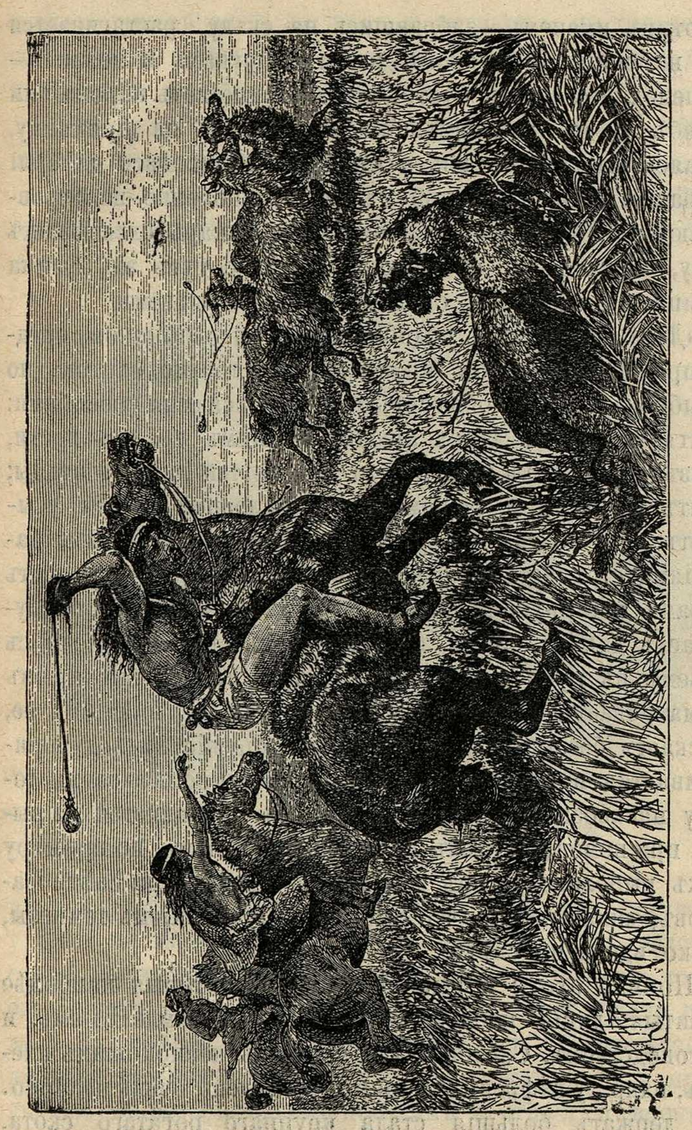

Рис. 3.—Индѣйцы на охотѣ.

его этимъ именемъ—забравшись на скалу, растягивается тутъ на спинѣ съ кускомъ рыбы въ рукахъ и лежитъ—не шелохнется, какъ будто спитъ. Прилетаетъ ворона или ястребъ и съ жадностью набрасывается на приманку, стараясь вырвать ее изъ рукъ яко-бы спящаго дикаря. Но расчеты неосторожной птицы обыкновенно не оправдываются. Ловкимъ движеніемъ руки дикарь схватываетъ птицу, скручиваетъ ей голову и часто тутъ же, слегка общипавши ей перья, съѣдаетъ добычу сырьемъ.

«Дикій человѣкъ», подобно нашему первобытному предку, промышляетъ себѣ пропитаніе не только охотою, но и рыбною ловлею. Добываетъ онъ рыбу всякими способами: ловитъ удочками, дѣлая крючки къ нимъ то изъ кости, то изъ древесныхъ шиповъ, то изъ когтей хищной птицы; ловитъ и сѣтями, и съ помощью рыболовной мошны; усыпляетъ или же травитъ рыбу различными ядовитыми растеніями; стрѣляетъ въ нее лукомъ или копьемъ, хватаетъ баграми и гарпунами. Много ловкости и умѣнья обнаруживаетъ дикарь, когда лежа поперекъ своего челнока съ копьемъ въ рукѣ и устремивши взоръ въ глубь рѣки, онъ высматриваетъ рыбу покрупнѣе, а потомъ, нашедши ее, опускаетъ безшумно свое не хитрое оружіе въ воду, прицѣливается и вѣрнымъ ударомъ копья пронизываетъ добычу насквозь. Такъ же искусно онъ справляется съ рыбою при помощи стрѣлъ и багра. Багреніемъ, по примѣру всѣхъ рыболововъ, онъ занимается ночью, при свѣтѣ факеловъ, зная отлично, что рыба, съ наступленіемъ темноты, шибко идетъ на свѣтъ.

Помимо охоты и рыбной ловли нѣкоторыя наиболѣе развитыя дикія племена занимаются и земледѣліемъ, и скотоводствомъ. Скотоводство у иныхъ чернокожихъ племенъ, напр., у кафровъ Африки, поставлено очень недурно. Они держатъ большія стада крупнаго рогатаго скота,

толково ухаживаютъ за нимъ и питаются не только мясомъ, но и молочными продуктами. Имъ, стало быть, извѣстно и молочное хозяйство...

Такова обычная трудовая жизнь дикарей, которая однако очень часто нарушается войнами.

Отдѣльныя племена, живущія по сосѣдству, нерѣдко относятся враждебно другъ къ другу и при каждомъ удобномъ случаѣ вступаютъ въ борьбу. Причинъ для войны у нихъ не мало. Иногда самая обыкновенная, вздорная ссора между членами двухъ различныхъ племенъ можетъ ожесточить ихъ другъ противъ друга и послужить поводомъ для войны. Чувство мести, охота на чужомъ участкѣ, желаніе поживиться имуществомъ сосѣда, а то и просто любовь къ разбойничьимъ набѣгамъ и страсть къ военному

Рис. 4.—Австралійцы на рыбной ловлѣ.

удальству, все это разжигаетъ дикаря и влечетъ за собою войну. Войны межъ дикарями вспыхиваютъ и по другимъ причинамъ. Совершая набѣгъ на сосѣдей, дикарь имѣетъ въ виду не только поживиться ихъ добромъ, но и забрать въ

Рис. 5.—Начальникъ и дѣвушка басутовъ, изъ племени кафровъ.

плѣнъ побольше враговъ; плѣнныхъ мужчинъ онъ либо убиваетъ, либо превращаетъ въ рабовъ, заставляя ихъ исполнять самыя тяжелыя работы; а плѣнныхъ женщинъ

онъ беретъ къ себѣ въ жены. Есть, наконецъ, и такія племена, вся жизнь которыхъ проходитъ въ грабежахъ и разбойничьихъ набѣгахъ на сосѣдей. Мирныхъ занятій эти племена не знаютъ, а честныхъ тружениковъ презираютъ. Войною и разбоемъ они промышляютъ себѣ пропитаніе, и не только не стыдятся своего позорнаго ремесла, но и гордятся имъ. Жестокость, безумная отвага, предательство и военная хитрость въ ихъ глазахъ — высокая добродѣтель, а мирный трудъ — постыднѣйшій порокъ. Еще не такъ давно въ Южной Африкѣ безчинствовало одно разбойничье племя дикарей, которые создали себѣ даже религію какую-то разбойничью. «Ихъ божество, Великій Орелъ, повелѣвало имъ жить войною со всѣми другими племенами, избивать мужчинъ, захватывать женщинъ въ жены и грабить имущество побѣжденныхъ» (Тайлоръ).

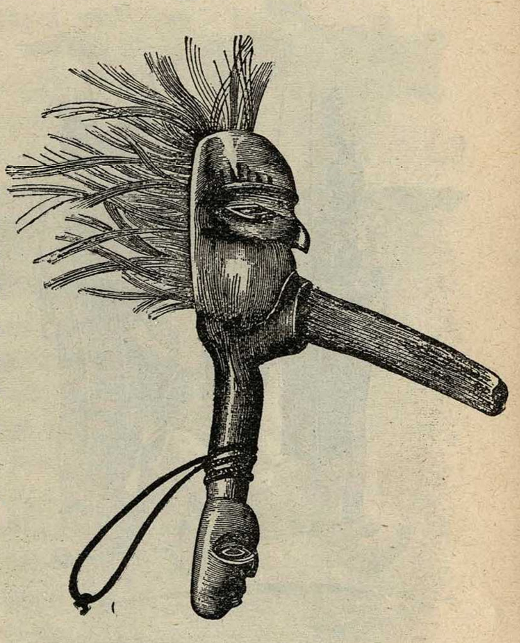

Рис. 6.—Военный топоръ дикаря.

Когда два племени австралійцевъ затѣваютъ войну, то дѣло обыкновенно начинается съ того, что одно племя посылаетъ другому копье, къ которому привязанъ пучокъ страусовыхъ перьевъ: это вызовъ на бой. Послѣ этого начинаются сборы къ битвѣ. Воины расписываютъ свое

голое тѣло яркими красками, чтобы придать себѣ страшный видъ. Затѣмъ, вооружившись копьями и дубинками, оба воюющихъ стана выстраиваются другъ противъ друга въ боевомъ порядкѣ. Раздается военный кличъ, и непріятели, потрясая въ воздухѣ копьями и дубинками, съ дикимъ ревомъ и отборною бранью кидаются въ бой. Но это бой особенный, — не общая свалка, а цѣлый рядъ отдѣльныхъ поединковъ. У каждаго воина есть свой особенный противникъ, съ корымъ онъ и борется. Когда одинъ изъ борющихся падетъ на землю мертвымъ, битва почти всегда считается оконченной. Хорошее правило! Оно показываетъ, что война дикарей зачастую менѣе жестока и кровопролитна, чѣмъ наши войны.

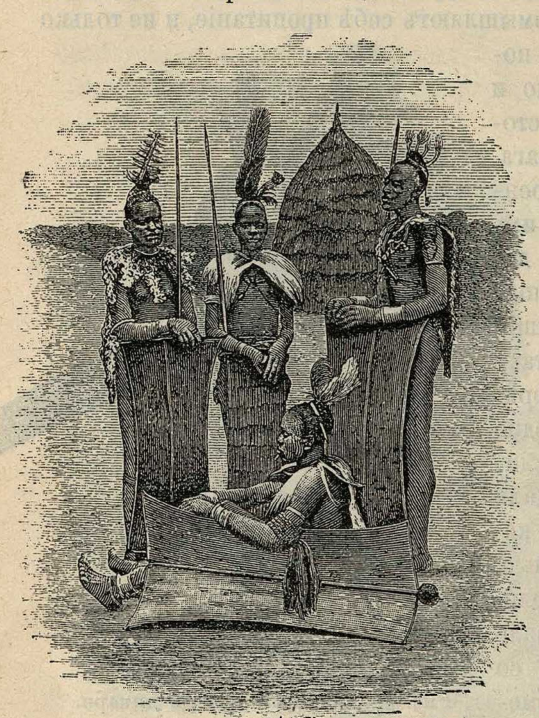

Рис. 7.— Чернокожіе воины изъ Африки.

Иначе обстоитъ дѣло у дикарей Бразиліи, *ботокудовъ* — тѣхъ самыхъ, что имѣютъ привычки украшать свои уши и нижнюю губу большими деревянными кружками.

Здѣсь, по словамъ очевидцевъ, поводомъ къ битвѣ мо-

жетъ послужить какая-нибудь пустячная ссора, хотя бы изъ-за того, что одно племя вздумало охотиться на землѣ другого. Повздорившіе рѣшаютъ кончить дѣло поединкомъ на дубинахъ. Тогда на сцену выступаютъ отдѣльныя пары борцовъ и принимаются дубасить другъ друга тяжелыми кольями. Въ схватку вмѣшиваются и женщины обѣихъ сторонъ. Онѣ подымаютъ крикъ, бранятся на чемъ свѣтъ стоитъ, таскаютъ другъ друга за космы, царапаются, пускаютъ въ ходъ и зубы, и палки, и камни, и кулаки,—словомъ, неистовствуютъ до тѣхъ поръ, пока какая-либо изъ сторонъ не сдастся. Однако драка *принимаетъ* серьезный оборотъ и превращается въ настоящую битву, когда мужчины изъ стана побѣжденныхъ хватаются сгоряча за лукъ и стрѣлы. Это считается вызовомъ къ войнѣ. Тутъ ужъ обѣ стороны выстраиваются въ боевомъ порядкѣ и по даннному сигналу вступаютъ въ бой. Подымается всеобщая свалка. Летятъ стрѣлы и копья, воздухъ оглашается воинственнымъ кличемъ, слышатся стоны и проклятья раненыхъ и умирающихъ. Побѣдители набрасываются на жилища побѣжденныхъ, грабятъ ихъ имущество, убиваютъ женщинъ и дѣтей, уводятъ въ плѣнъ обезоруженныхъ мужчинъ. Съ пѣніемъ и бѣшеною пляской возвращаются побѣдители домой, неся

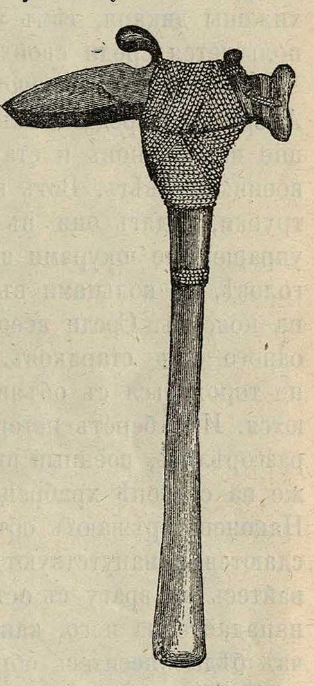

Рис. 8.—Сѣкира полинезійца (каменная).

съ собою головы убитыхъ враговъ. Къ чему имъ эти головы? А, видите ли, они ихъ высушатъ, а затѣмъ вывѣсятъ въ видѣ украшенія на своихъ жилищахъ. Чѣмъ больше вражескихъ головъ красуется на кольяхъ вкругъ хижины дикаря, тѣмъ большею славой и почетомъ онъ пользуется среди своихъ земляковъ...

Разскажу въ заключеніе про войну у индѣйцевъ Сѣв. Америки. Передъ началомъ войны предводители, храбрѣйшіе изъ воиновъ и старѣйшины племени собираются на военный совѣтъ. Вотъ въ глубокомъ раздумьи, покуривая трубки, сидятъ они въ своихъ живописныхъ костюмахъ, украшенные шкурами звѣрей, съ цвѣтными перьями на головѣ, съ кольцами въ ушахъ, съ военными топориками на поясахъ. Среди всеобщаго молчанія раздается голосъ одного изъ стариковъ. Онъ убѣждаетъ соплеменниковъ не торопиться съ объявленіемъ войны. Храбрецы волнуются. Ихъ беретъ нетерпѣніе. Нѣтъ мочи ждать: страсти разгорѣлись, военный пылъ одолѣваетъ. Предводители также на сторонѣ храбрецовъ. Поднимаются горячіе споры. Наконецъ, рѣшаютъ объявить войну сейчасъ же. Старики сдаются и напутствуютъ воиновъ словами: «Подкрадывайтесь къ врагу съ осторожностью и хитростью лисицы; нападайте на него, какъ разъяренная пантера, а, въ случаѣ бѣды, неситесь обратно съ легкостью птицы быстрокрылой, — и тогда не потерпите пораженія». Выслушавши напутствіе стариковъ, военный совѣтъ расходится съ тѣмъ, чтобы начать сборы. Первымъ дѣломъ оповѣщаютъ все племя о войнѣ. На площадкѣ среди индѣйскаго поселка стоитъ «столбъ войны»; въ этотъ столбъ втыкается кроваво-красный топоръ, и тогда весь поселокъ узнаетъ, что объявлена война. Послѣ этого вербуются воины. Вскорѣ набирается большой отрядъ. Тогда устраивается пиршество съ танцами; во время пиршества съѣдается собака—знакъ

Рис. 9.—Сѣверо-Американскій индѣецъ въ военномъ нарядѣ

вѣрности. Наконецъ, воины выстраиваются въ должномъ порядкѣ и выступаютъ въ походъ. Осторожно пробираются они гуськомъ къ вражескому поселку черезъ лѣсъ, вытянувшись въ одну линію. Вотъ и непріятельскій лагерь. Его застигли врасплохъ. Непріятель не ждалъ нападенія. Пущены въ ходъ топоры, стрѣлы, кинжалы. Дикій вой наполняетъ воздухъ. Всеобщая свалка кончается пораженіемъ непріятеля. Деревня его предана огню, имущество разграблено, женщины и дѣти перебиты, а торжествующій побѣдитель возвращается назадъ съ пѣніемъ и бѣшеной пляской, ведя много плѣнныхъ. Пояса побѣдителей украшены *скальпами* съ череповъ побѣжденныхъ.

Странное украшеніе! Откуда оно взялось? Оказывается, что каждый воинъ снялъ кожу съ головы убитаго имъ въ бою врага и повѣсилъ ее, какъ украшеніе, на своемъ поясѣ.

Дома побѣдителей ждетъ новая жестокая потѣха. Приволокши плѣнныхъ въ свой станъ они привязываютъ несчастныхъ къ столбамъ и пускаютъ въ нихъ стрѣлы Даже дѣти принимаютъ участіе въ этой звѣрской потѣхѣ надъ безпомощнымъ врагомъ. Но этотъ послѣдній обыкновенно переноситъ, какъ герой, всѣ пытки и истязанія. Онъ не стонетъ, а осыпаетъ противниковъ оскорбительною бранью, хвалится собственными звѣрскими подвигами, высмѣиваетъ своихъ мучителей и умираетъ не съ мольбою о помилованіи, а съ проклятіями на устахъ...

II.

Семейная жизнь у дикарей.

Теперь намъ придется остановиться на нѣкоторыхъ любопытныхъ порядкахъ въ жизни дикарей. Когда же мы познакомимся поближе съ этими порядками, то уже не трудно будетъ представить себѣ, какіе порядки и обычаи

царили въ жизни первобытныхъ людей каменнаго вѣка: здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, бытъ нынѣшнихъ дикарей оказывается очень похожимъ на бытъ людей каменнаго вѣка.

Жизнь семьей для насъ такое обычное дѣло, что не хочется даже вѣрить, будто могутъ существовать на свѣтѣ такіе народы и племена, у которыхъ, собственно говоря, нѣтъ настоящей семейной жизни. По нашему, семья—это прочный союзъ между мужчиной и женщиной, а также между родителями и дѣтьми. Но вотъ путешественники и ученые разсказываютъ, что между дикарями встрѣчаются племена, не знающія ни брака, ни прочной семейной жизни. У такихъ дикарей «женщины смотрятъ на всѣхъ мужчинъ *своего племени*, какъ на своихъ мужей, хотя въ то же время онѣ очень строги и осторожны съ мужчинами другихъ племенъ» (Леббокъ). Такой обычай даже среди дикарей встрѣчается довольно рѣдко; не мудрено, значитъ, что намъ онъ кажется прямо таки чудовищнымъ. Однако и другіе семейные порядки дикарей для насъ совсѣмъ не привычны, несмотря на то, что сами дикари сроднились съ такими порядками и считаютъ ихъ дѣломъ вполнѣ обыкновеннымъ. Возьмемъ хотя бы такую вещь. У нѣкоторыхъ жителей острова Цейлона и Индіи женщина можетъ брать себѣ въ мужья нѣсколькихъ мужчинъ за разъ; обыкновенно это дѣлается такъ, что она становится женою нѣсколькихъ братьевъ. Или еще большинство дикихъ племенъ до сихъ поръ придерживается *многоженства*; говоря иначе, тутъ каждый взрослый мужчина можетъ имѣть одновременно нѣсколько женъ: законы и обычаи его страны ему этого не запрещаютъ. Понятно, что женщины въ такихъ случаяхъ привыкаютъ къ обычаямъ своей страны; жены одного и того же мужчины живутъ между собою довольно мирно, помогаютъ другъ другу въ хозяй-

ствѣ; ухаживаютъ одинаково усердно за всѣми дѣтьми своего мужа, будь то ихъ собственныя дѣти, или же дѣти другихъ его женъ—все равно. У зулусовъ, напр. (чернокожее племя въ Африкѣ), мужчины покупаютъ себѣ женъ. Разумѣется, обезпеченнымъ людямъ не трудно заплатить, сколько слѣдуетъ, за нѣсколькихъ женъ. Но бѣднякамъ часто приходится довольствоваться одною женой. Въ такихъ случаяхъ первая жена зулуса-бѣдняка трудится, не покладаючи рукъ своихъ, лишь бы собрать средства для покупки второй и третьей жены своему мужу. Она прекрасно знаетъ, что новыя жены будутъ отличными помощницами въ ея работахъ по хозяйству; она знаетъ, что, по обычаямъ ея народа, первая жена становится какъ бы госпожею въ домѣ послѣ того, какъ въ этотъ домъ войдутъ другія жены. Отсюда понятно, почему она такъ усердно старается добыть своему мужу новыхъ женъ. Однако понятное въ семейномъ быту дикарей кажется чуждымъ и непонятнымъ намъ, которые привыкли только къ такой семьѣ, гдѣ нѣтъ и не можетъ быть болѣе одной жены. Единоженство у насъ закрѣплено и обычаемъ, и закономъ, и религіей. Изъ этого однако не слѣдуетъ, что всѣ дикари придерживаются непремѣнно многоженства; нѣтъ, и среди нихъ есть племена, которымъ законъ предписываетъ только единоженство; но такихъ племенъ сравнительно немного. Не мѣшаетъ кстати напомнить, что многоженства придерживаются не только дикари: оно, напр., въ обычаѣ у турокъ и персовъ, а ихъ никоимъ образомъ нельзя назвать дикарями.

Итакъ, мы узнали, что семья у дикарей складывается разно. Посмотримъ теперь, какъ и откуда мужчины добываютъ себѣ женъ.

У нѣкоторыхъ дикихъ племенъ существуетъ обычай, по которому мужчина можетъ брать себѣ въ жены жен-

щинъ *только своего племени.* Если племя это очень не велико, то браки заключаются между близкими родственниками. Когда мужчина изъ племени *каланги* на островѣ Явѣ ищетъ руки дѣвушки, то онъ первымъ дѣломъ долженъ доказать, что эта дѣвушка — его родственница; иначе она не пойдетъ за него замужъ. У насъ же, насколько вамъ извѣстно, дѣло нерѣдко обстоитъ совсѣмъ наоборотъ: если дѣвушка приходится родственницей своему жениху, то законъ запрещаетъ имъ вступать въ бракъ. Среди индѣйскихъ племенъ браки между близкими родственниками—дѣло вполнѣ обычное. У одного изъ такихъ племенъ есть законъ, по которому двѣ дѣвушки изъ каждаго семейства обязаны выходить замужъ за двухъ сыновей своего дяди по матери; это, какъ видите, браки между двоюродными сестрами и братьями. Но иногда у дикарей дѣло доходитъ и до того, что братья женятся на родныхъ сестрахъ, лишь бы не брать себѣ женъ изъ другого племени или даже изъ другой общины своего же племени.

На ряду съ племенами, гдѣ мужчины обязаны брать женъ изъ своего же племени, есть и другіе дикари, которымъ законъ и обычай повелѣваютъ брать въ жены женщинъ *только другого племени.* Индѣйцы, какъ и всякіе другіе дикари, дѣлятся на множество мелкихъ племенъ и общинъ. Каждая община и каждое племя имѣютъ свое особое прозвище. Поэтому часто говорятъ объ индѣйцахъ изъ племени «Медвѣдь», «Журавль», «Олень», «Цапля», «Куница», «Морской котъ» и т. п. Если юноша изъ общины «Журавль» собирается жениться, то онъ обязанъ добыть себѣ невѣсту изъ племени «Куница», «Медвѣдь», «Цапля» и т. д., ибо ни одна дѣвушка изъ племени «Журавль» не пойдетъ да и не смѣетъ пойти за него замужъ. То же самое наблюдается и у австралійскихъ дикарей.

Тутъ самъ собою напрашивается вопросъ: идутъ ли

женщины одного племени въ жены мужчинамъ другого племени добровольно, по своей охотѣ, или же ихъ уводятъ силкомъ? Да, разумѣется, уводятъ силкомъ! Обычай австралійцевъ похищать женщинъ сосѣдняго племени можетъ служить примѣромъ такого же обычая у другихъ дикарей. Желая обзавестись семьей, австраліецъ идетъ искать себѣ жену. Для него это своего рода охота на крупную и дорогую дичь. Замѣтивши женщину сосѣдняго племени гдѣ-нибудь въ лѣсу или въ полѣ, онъ незамѣтно подкрадывается къ ней и оглушаетъ свою «суженую» ударомъ дубинки по головѣ, спинѣ или плечамъ. Несчастная «невѣста», обливаясь кровью, валится, какъ пень, на землю; тогда «женихъ» хватаетъ ее за руку или за волосы и старается уволочь куда-нибудь подальше въ укромный уголокъ; при этомъ, впопыхахъ, онъ не разбираетъ дороги и тащитъ свою «возлюбленную» по кочкамъ, камнямъ и пнямъ, стараясь доставить добычу въ безопасное мѣсто, поближе къ своимъ товарищамъ, которые затѣмъ помогаютъ ему унести ее домой. Очнувшись отъ ударовъ, бѣдная женщина безропотно становится женой похитившаго ее мужчины: ничего не подѣлаешь—таковъ обычай ея страны! Она отлично знаетъ, что никто изъ ея родныхъ и родственниковъ не придетъ выручать ее; въ лучшемъ случаѣ они отплатятъ обидчику такимъ же насиліемъ надъ какою-либо женщиной его племени. Да и не все ли равно, кому служить—своимъ или чужимъ? Положеніе австралійской женщины въ семьѣ преотвратительное. Она—рабыня, которая обязана работать безъ устали, таскать тяжести, какъ вьючное животное, сносить безъ ропота побои, брань и всяческія оскорбленія отъ мужчинъ. Немудрено, что при такомъ скверномъ положеніи ей все равно, гдѣ жить—среди своихъ ли соплеменниковъ, или же въ семьѣ похитившаго ее мужчины.

Обычай похищать женщинъ существуетъ у многихъ нынѣшнихъ дикарей. Въ старину его держались и наши предки, древніе славяне. Этотъ обычай ихъ извѣстенъ подъ именемъ «умыканія женъ» [1]). Да и не только древніе славяне, но и другіе народы былыхъ временъ добывали себѣ женъ силою, похищая ихъ у сосѣдей. Въ Библіи есть сказаніе о томъ, какъ молодые люди изъ колѣна Веніамина похитили во время празднества дочерей царя Силоама. Есть такое же сказаніе и у древнихъ римлянъ. Сказаніе это гласитъ, будто, во время одного празднества въ Римѣ, римскіе юноши накинулись невзначай на приглашенныхъ изъ сосѣдней страны дѣвушекъ и похитили ихъ. Дѣвушки были изъ племени *сабинянъ*; вотъ почему это сказаніе извѣстно въ исторіи подъ названіемъ «похищенія сабинянокъ». Такія сказанія могли сложиться только у тѣхъ народовъ, у которыхъ въ старину на самомъ дѣлѣ существовалъ обычай «умыкать женъ». Стало быть, приходится согласиться, что и на этотъ разъ обычаи сѣдой старины сходятся съ обычаями нѣкоторыхъ современныхъ дикарей.

Въ то время какъ одни изъ дикихъ народовъ добываютъ себѣ женъ «умыканіемъ», другіе ихъ покупаютъ. Родители у такихъ дикарей имѣютъ право продавать своихъ дочерей въ жены, и всякій молодой человѣкъ, если только онъ не отчаянный лѣнтяй, всегда способенъ заработать столько, сколько нужно для покупки жены. Цѣна на женщину у разныхъ племенъ разная, и, напр., въ Африкѣ до сихъ поръ торгуютъ женщинами такъ же, какъ и всякимъ другимъ товаромъ. Негры въ Средней Африкѣ платятъ за невѣсту нѣсколько быковъ; покупная цѣна на женъ у кафровъ (чернокожіе дикари, живущіе

---

[1]) «Умыкать» значитъ—похищать, уводить силою.

въ Южной Африкѣ) разная: за дѣвушку красивую и изъ богатаго дома женихъ платитъ штукъ тридцать быковъ, а дѣвушка невидная собой и простая цѣнится дешевле,—за нее даютъ отъ 6 до 10 быковъ; индѣйцы даютъ коровъ за женщинъ, которыя затѣмъ становятся ихъ женами; бедуины (арабы) въ Аравіи платятъ за женъ лошадьми. Такая «купля-продажа» женщинъ—дѣло вполнѣ обычное среди дикарей. Но особенно любопытно, что, согласно лѣтописнымъ разсказамъ, многіе народы древнихъ временъ также торговали женщинами — продавали дѣвушекъ въ жены и сами покупали ихъ. Эта позорная торговля, къ счастью, вывелась изъ обычая всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ...

III.

Еще о семейномъ бытѣ дикарей.

Поговоримъ теперь о свадебныхъ обрядахъ у дикарей; эти обряды и сами по себѣ очень интересны, и познакомятъ насъ кое съ чѣмъ изъ ихъ семейнаго быта.

«Однажды, разсказываетъ очевидецъ, я услышалъ громкіе крики, которые неслись изъ ближайшей деревни *кондовъ* (дикое племя въ Индіи); думая, что тамъ завязалась какая-нибудь драка, я поѣхалъ на мѣсто и увидѣлъ тамъ мужчину, который несъ на спинѣ что-то обернутое въ широкое покрывало ярко-краснаго цвѣта; его окружали двадцать или тридцать молодыхъ товарищей, которые защищали его отъ яростныхъ нападеній цѣлой толпы молодыхъ женщинъ. Когда я сталъ спрашивать, что́ все это означаетъ, то мнѣ объяснили слѣдующее: мужчина съ ношею на спинѣ — новобрачный, а ноша, завернутая въ яркое покрывало, это — его жена, которую онъ несъ въ свою деревню. Молодыя подруги новобрачной, согласно

обычаямъ своей страны, пытались отбить ее и пускали каменья и палки въ голову злополучнаго молодожена до тѣхъ поръ, пока онъ не добрался до околицы своей деревни».

Таковъ свадебный обрядъ у кондовъ. Но развѣ только у нихъ однихъ? Если перебрать свадебные обряды дикарей различныхъ странъ свѣта, то можно будетъ сейчасъ же замѣтить, что церемонія «умыканія» или *показное* похищеніе невѣсты во всѣхъ этихъ обрядахъ занимаетъ очень видное мѣсто. И въ самомъ дѣлѣ.

Въ Канадѣ (Сѣверная Америка) начальникъ индѣйскаго племени всякій разъ объявляетъ своему народу о томъ, что такой-то и такая-то вступили въ бракъ. Но этимъ обрядомъ бракосочетаніе не кончается: послѣ объявленія, сдѣланнаго начальникомъ, новобрачный долженъ взвалить силкомъ молодую жену на спину и при крикахъ собравшейся толпы унести въ свою палатку.

У эскимосовъ Сѣверной Америки брачный обрядъ сводится къ тому, что женихъ долженъ силою забрать свою невѣсту: она обыкновенно за много лѣтъ раньше знаетъ, кто ея суженый, за кого рѣшили выдать ее замужъ родители; и все-таки въ ту минуту, когда женихъ беретъ ее на руки, чтобъ перенести въ свою хижину, она защищается, вопитъ во все горло, награждаетъ своего «милаго» щипками и тумаками: такъ повелѣваетъ ей поступать законъ ея страны!

Нѣсколько проще обстоитъ дѣло у эскимосовъ съ острова Гренландія. Тутъ молодой человѣкъ, которому понравилась какая-нибудь дѣвушка, столковывается прежде всего съ ея родными и, когда получитъ ихъ согласіе, посылаетъ въ домъ невѣсты двухъ пожилыхъ женщинъ, которыя насильно приводятъ ее въ домъ жениха. Дикарь-полинезіецъ (Полинезія—собраніе острововъ въ Великомъ

океанѣ) подсылаетъ товарищей къ дому своей невѣсты; тѣ шутя нападаютъ на домъ и какъ бы похищаютъ для друга суженую; на самомъ же дѣлѣ тутъ никакого похищенія нѣтъ, ибо женихъ заранѣе столковался насчетъ брака и съ невѣстою, и съ ея родителями; обычай полинезійцевъ требуетъ, чтобы мужчина похитилъ жену, и вотъ въ угоду такому обычаю пріятели жениха должны продѣлать церемонію похищенія, при чемъ невѣста съ своей стороны должна притворно сопротивляться.

Еще интереснѣе обстоитъ дѣло у негровъ изъ племени *мандинго* въ Западной Африкѣ. «Тутъ, по словамъ очевидца, одинъ молодой человѣкъ, пожелавшій жениться на дѣвушкѣ изъ сосѣдняго племени, обратился къ ея матери, которая согласилась на то, чтобы онъ добылъ ее, какъ знаетъ. Вскорѣ послѣ этого, когда дѣвушка приготовляла какое-то кушанье къ ужину, ея нареченный женихъ, при содѣйствіи трехъ или четырехъ товарищей, схватилъ ее и унесъ силой. Она отчаянно сопротивлялась, кусаясь, царапаясь, толкаясь и жалобно крича. Многіе мужчины и женщины, въ числѣ которыхъ были и ея родственники, присутствовали при нападеніи жениха и его пріятелей; но они только смѣялись надъ этой шуткой и утѣшали дѣвушку, говоря, что она скоро привыкнетъ къ своему новому положенію». Что это, въ самомъ дѣлѣ? Настоящее похищеніе, или просто свадебный обрядъ? Для всякаго ясно, что настоящаго похищенія тутъ вовсе нѣтъ: развѣ близкіе и родственники могутъ шутя смотрѣть на то, какъ чужеземецъ насильно уводитъ дѣвушку ихъ племени? При настоящемъ похищеніи дѣло нерѣдко кончается общею свалкой между обидчиками и потерпѣвшими; а тутъ— близкіе смѣются, подтруниваютъ надъ тою, кого похищаютъ. Стало быть, это не подлинное «умыканіе жены», а просто-на-просто особенный обрядъ, оставшійся въ па-

мяти о тѣхъ временахъ, когда и у негровъ изъ племени мандинго обычай похищать женщинъ былъ въ полномъ ходу.

Зулусъ покупаетъ себѣ жену; но это не избавляетъ его отъ исполненія обычая, согласно которому онъ долженъ погнаться за своей невѣстой и изловить ее; если онъ не нагонитъ невѣсту у назначеннаго мѣста, то съ него взимается штрафъ въ размѣрѣ двухъ или трехъ головъ скота; и только послѣ того, какъ онъ уплатитъ пеню, невѣста входитъ въ его домъ. Арауканецъ [1]) также покупаетъ невѣсту у родителей ея за условленную плату и все-таки ему приходится представить дѣло такъ, будто онъ не покупаетъ, а похищаетъ невѣсту. Поэтому въ условленный день онъ подъѣзжаетъ къ дому невѣсты, беретъ ее какъ будто силкомъ и увозитъ, но не домой, а куда нибудь въ лѣсъ, точно ему и въ самомъ дѣлѣ нужно скрываться отъ родственниковъ невѣсты; лишь нѣсколько дней спустя онъ поселяется съ молодою женой въ своемъ жилищѣ. Еще потѣшнѣе положеніе жениха-кафра. Для кафровъ бракъ, по существу, самая обыкновенная торговая сдѣлка: заплатилъ столько-то головъ рогатаго скота родителямъ невѣсты, и веди ее къ себѣ въ домъ! Но оказывается, что сдѣлать это не такъ то просто. Законы кафровъ требуютъ, чтобы женихъ непремѣнно похитилъ дѣвушку, за которую ужъ онъ заплатилъ сполна все по уговору. И вотъ онъ собираетъ друзей и родственниковъ и въ одинъ прекрасный день нападаетъ на домъ невѣсты. Друзья и родственники послѣдней, въ свою очередь, защищаютъ ее. Завязывается драка, въ которой женихъ иной разъ терпитъ полное пораженіе и возвращается домой ни съ чемъ. Какъ быть? Не оставаться же безъ жены,

---

[1]) Араукане—особое племя индѣйцевъ.

за которую къ тому же заплачено нѣсколько паръ лучшихъ воловъ? И вотъ злополучный женихъ вынужденъ

Рис. 10.—Семья араукаицевъ.

подстерегать невѣсту въ полѣ или у колодца, къ которому она приходитъ за водой; заставши бѣдняжку врасплохъ, онъ набрасывается на нее, какъ тигръ, и уноситъ въ свое жилище.

Всѣ такіе обычаи показываютъ, что у зулусовъ, арауканцевъ и кафровъ раньше браки совершались путемъ

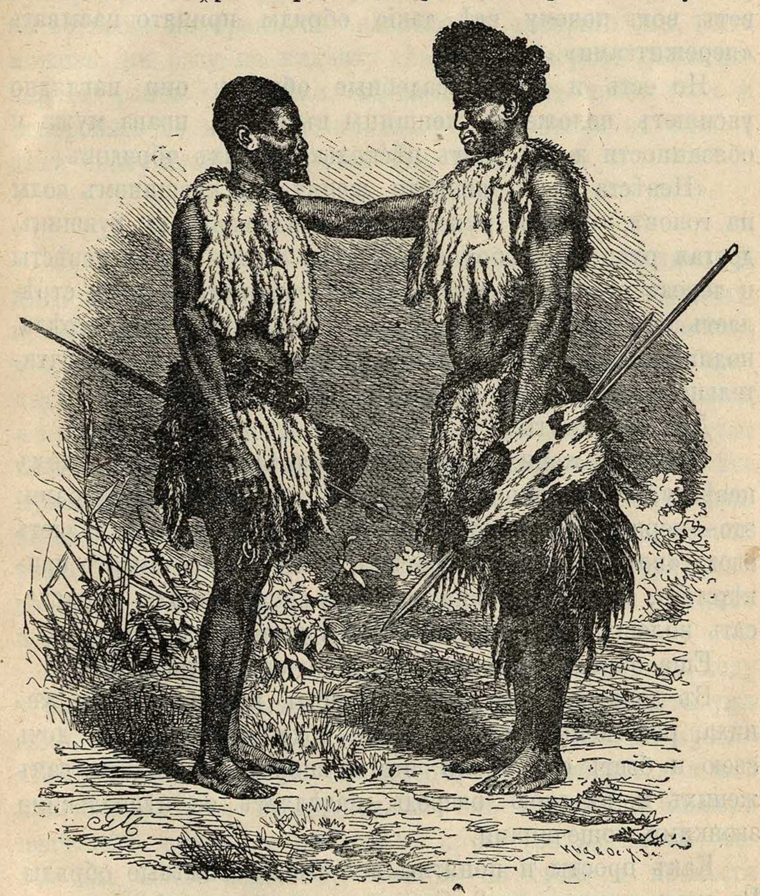

Рис. 11.—Воины кафрскаго племени матабеле.

«умыканія»; теперь же, когда «умыканіе» замѣнилось «куплей-продажей», похищеніе совершается только для виду, какъ свадебный обрядъ. Въ этомъ обрядѣ сказы-

ваются лишь обычаи былыхъ временъ: самая суть обычая ужъ отошла въ вѣчность, а форма его осталась, еще живетъ; вотъ почему всѣ такіе обряды принято называть «пережитками»...

Но есть и иные свадебные обряды; они наглядно уясняютъ положеніе женщины въ семьѣ, права мужа и обязанности жены. Вотъ нѣсколько такихъ обрядовъ.

«Невѣста идетъ впереди жениха съ кувшиномъ воды на головѣ; одною рукою она поддерживаетъ кувшинъ, другая рука ея свободна. Женихъ идетъ сзади невѣсты и черезъ отверстіе, образованное поднятой рукой, стрѣляетъ изъ лука. Невѣста идетъ туда, гдѣ упала стрѣла, поднимаетъ ее ногою, потомъ беретъ въ руку и почтительно возвращаетъ ее своему мужу». (Леббокъ).

Другой обрядъ.

Пріятели жениха приволакиваютъ къ нему въ домъ невѣсту, которую онъ встрѣчаетъ... палочными ударами: это—первая ласка, которою молодой супругъ надѣляетъ свою «возлюбленную». Затѣмъ, послѣ такого милаго привѣтствія, невѣста должна вымести домъ жениха и расчесать волосы всѣмъ гостямъ, собравшимся на свадьбу.

Еще обрядъ, не сложный, но очень внушительный.

Въ день свадьбы отецъ невѣсты, въ присутствіи жениха, родственниковъ и друзей, подзываетъ къ себѣ дочь свою и бьетъ ее; послѣ этого впередъ выходитъ самъ женихъ и, въ свою очередь, надѣляетъ ее нѣсколькими звонкими пощечинами.

Какъ просты и понятны всѣ эти любопытные обряды Въ чемъ смыслъ ихъ? Смыслъ очень простой; жена да повинуется мужу своему! Мужъ—господинъ и повелитель, а жена — вѣрная раба и послушная исполнительница всѣхъ мужниныхъ причудъ.

Что за возмутительные нравы! скажете вы. Дѣвушку

продаютъ, какъ красный товаръ или рабочій скотъ; дѣвушку увозятъ въ чужой домъ насильно, не спрашивая ея согласія на бракъ съ человѣкомъ, котораго она, быть можетъ, ни разу не видѣла; дѣвушку обязуютъ быть покорною рабою человѣка, который имѣетъ право бить и оскорблять ее на каждомъ шагу,—да, это и въ самомъ дѣлѣ возмутительные нравы. Но, во-первыхъ,

Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться.

А потомъ—не слѣдуетъ думать, будто у всѣхъ дикарей дѣла ведутся одинаково. Можно указать много случаевъ, когда браки у дикарей не налаживаются только потому, что дѣвушка не соглашается итти за того, кого ей прочатъ въ мужья. Ужъ на что жалкіе люди—огнеземельцы, а между тѣмъ и у нихъ бракъ можетъ не состояться, если только молодой человѣкъ не приглянулся невѣстѣ. Нѣтъ нужды, что женихъ уже столковался обо всемъ съ родными невѣсты и получилъ ихъ согласіе; невѣста можетъ удрать изъ родного дома, можетъ скитаться и прятаться въ лѣсу до тѣхъ поръ, пока женихъ не выбьется изъ силъ и не перестанетъ ее преслѣдовать.

А вотъ послушайте, какой брачный обрядъ въ ходу у жителей Малакскаго полуострова (Азія), и рѣшайте ужъ сами, нужно ли тутъ согласіе на бракъ, или не нужно. «Когда, разсказываетъ очевидецъ, всѣ соберутся и всѣ приготовленія окончены, одинъ изъ стариковъ племени подводитъ жениха и невѣсту къ кругу (въ родѣ тока) болѣе или менѣе большому, смотря по силѣ и ловкости брачной четы. Дѣвушка первая бѣжитъ по кругу, а молодой человѣкъ преслѣдуетъ ее сзади на небольшомъ разстояніи. Если ему удастся настигнуть и поймать дѣвушку, она становится его женою; *въ противномъ случаѣ, она свободна, и женихъ не имѣетъ права требовать, чтобы*

она сдѣлалась его женою». Словомъ, поймалъ—твоя, а не поймалъ—ищи другую или оставайся съ носомъ! Нечего и объяснять, что въ подобныхъ свадебныхъ гонкахъ часто одерживаетъ побѣду не самый быстрый и сильный, а *тотъ, кому удалось понравиться невѣстѣ*: отъ такого она будетъ удирать и отбиваться только для виду и очень скоро дастся ему въ руки.

Мы ужъ видѣли, какъ тяжело положеніе женщины въ семьѣ австралійцевъ. По словамъ путешественниковъ, здѣсь рѣдко встрѣтишь женщину безъ шрамовъ и синяковъ на головѣ и на тѣлѣ отъ тѣхъ побоевъ, которые наноситъ ей мужчина, «господинъ» семьи. Не лучше доля женщины и у другихъ дикихъ племенъ: но не у всѣхъ. Есть племена, гдѣ всѣмъ домомъ правитъ женщина. Тутъ *она*, а не мужчина,—полновластная *владычица*: ей всѣ—и мужъ, и дѣти, и остальные члены семьи, повинуются безпрекословно, всѣ оказываютъ ей почетъ и уваженіе. Любопытные нравы, не правда ли? Вотъ, напр., семья изъ племени малайцевъ [1]. Она не велика: мать и дѣти. Глава семьи—мать; отецъ даже не живетъ здѣсь; *онъ причисляетъ себя къ семьѣ своей матери и только по временамъ приходитъ къ женѣ*. У другого малайскаго племени семья складывается нѣсколько иначе. И тутъ владычица — мать, и тутъ женщина хороводитъ всѣмъ домомъ. Но мужъ ея живетъ при семьѣ своей жены и всецѣло подчиняется ея власти. Въ семьѣ онъ—не господинъ и «повелитель», а работникъ и нахлѣбникъ.

Путешественникъ Ливингстонъ встрѣтилъ въ Африкѣ племя дикарей, въ семьѣ которыхъ первенствовала женщина. Ей подчинялись всѣ члены семьи—и мужъ, и до-

---

[1]) Малайцы—жители нѣкоторыхъ частей Индо-Китая и нѣкоторыхъ острововъ Индѣйскаго океана.

чери, и сыновья. Дочери ея, выходя замужъ, не оставляютъ родного очага; напротивъ, мужья ихъ обязательно перебираются въ домъ тещи и обязуются во всемъ повиноваться ей, снабжать всю семью постоянно дровами и съѣстными припасами, не уходить къ кому-либо другому на работу безъ разрѣшенія тещи. Хозяйка дома держитъ всѣхъ мужчинъ въ страхѣ и, въ случаѣ надобности, даже наказываетъ ихъ. Пренепріятныя это наказанія! Одинъ путешественникъ встрѣтилъ какъ-то такого наказаннаго мужа. Бѣдняжка сидѣлъ на деревѣ и горько жаловался на то, что жена вотъ уже нѣсколько дней моритъ его въ наказаніе голодомъ...

На этомъ я и закончу повѣсть о семейномъ бытѣ дикарей; сознаюсь, что разсказъ мой далеко не полный: много интереснаго можно было бы еще разсказать на этотъ счетъ. Но надо разсказать еще о другихъ обычаяхъ и нравахъ «дикаго» человѣка.

IV.

Обычаи и нравы дикаго человѣка.

У дикарей нѣтъ писаныхъ законовъ. Но это не значитъ, что у нихъ каждый человѣкъ ведетъ себя въ жизни такъ, какъ ему вздумается, не справляясь ни съ чѣмъ. Закономъ для дикаря служитъ установившійся среди его соплеменниковъ обычай. «Такъ велось въ старину», «такъ поступали дѣды наши», «такъ велятъ старики»—вотъ что составляетъ законъ для дикаря, и онъ долженъ рабски подчиняться обычаямъ старины и завѣтамъ предковъ: иначе—ему грозитъ наказаніе, иначе онъ станетъ посмѣшищемъ въ глазахъ всѣхъ единоплеменниковъ своихъ.

Велика сила обычая у людей вообще; а у дикарей она сказывается еще круче. Многіе изъ обычаевъ дикарей намъ кажутся потѣшными и смѣхотворными; но самъ дикарь относится къ нимъ свято и исполняетъ ихъ гораздо строже, чѣмъ мы законы своей страны. Примѣровъ тому имѣется несчетное число. Съ чего бъ начать? Начнемъ пожалуй, съ привѣтствій и церемоній, на которыя у дикаря уходитъ не мало времени.

Когда малаецъ или полинезіецъ говоритъ со старшими, то, въ знакъ особаго къ нимъ уваженія, *онъ садится*, а иные изъ африканцевъ съ тою же цѣлью ***поворачиваются къ старшимъ спиной***. Кафры выражаютъ свое уваженіе свистомъ; тодасы (африканское племя), привѣтствуя другъ друга, поднимаютъ правую руку и прикладываютъ ее ко лбу такъ, чтобы большой палецъ касался носа; а эскимосы одного племени, желая выразить особенное расположеніе, дергаютъ другъ друга за носъ. Все это намъ кажется смѣшнымъ. Но почемъ знать? Быть можетъ, и наши обычаи кажутся забавными дикарямъ. Среди привѣтствій, которыми дикари обмѣниваются при встрѣчѣ, нѣкоторыя очень мудрены да къ тому же преисполнены раболѣпства. Изъ раболѣпныхъ привѣтствій особенно любопытны земные поклоны младшихъ передъ старшими у индусовъ и у нѣкоторыхъ негровъ (Африка). Когда негръ изъ племени балонда встрѣчается съ важною особой, то онъ сейчасъ же падаетъ на колѣни и третъ себѣ пылью руки и грудь, а потомъ принимается хлопать въ ладоши до тѣхъ поръ, пока важная особа не скроется изъ виду. Земной поклонъ индуса не такъ простъ. При встрѣчѣ со «старшимъ» гдѣ-нибудь на площади или на улицѣ, онъ хлопаетъ въ ладоши, падаетъ на четвереньки и принимается ползать, прикасаясь къ землѣ поочередно животомъ, грудью, лбомъ, одною и другою стороной лица;

потомъ цѣлуетъ землю, слегка приподымается, складываетъ руки крестомъ на груди и, произнося молитву, вновь подымается на ноги. Позорное пресмыканіе! Но это ужъ извѣстное дѣло: чѣмъ грубѣе и невѣжественнѣе народъ, тѣмъ раболѣпнѣе относится онъ къ старшимъ и властьимущимъ своего племени. Что какъ не самое возмутительное раболѣпство сказывается въ такомъ, напримѣръ, обычаѣ дикарей съ острововъ Фиджи (Великій океанъ)? Если важная особа этого племени случайно споткнется или упадетъ въ присутствіи людей низшаго званія, то всѣ они, въ свою очередь, должны сдѣлать то же самое: иначе важная особа почтетъ себя обиженною, ибо какъ же это можетъ быть, чтобъ начальникъ оказался менѣе остороженъ и ловокъ, чѣмъ его подчиненные! А какое множество привѣтственныхъ словъ измыслилъ дикарь на самые разнообразные случаи жизни. Такъ негръ изъ племени Эгба (Западная Африка) придумалъ добрый десятокъ словъ, которыя всѣ означаютъ одно и то же: «здравствуй». «*Акуаре!* говоритъ онъ утомленному; *Акуше*—работающему; *Акуринъ*—путешественнику; *Акуле*—находящемуся въ домѣ; *Акуатійо* — долго отсутствовавшему; *Аквалейо* — чужеземцу; *Акураййо*—потерпѣвшему несчастіе; *Акуджико*—сидящему; *Акударо* — стоящему; *Акута* — продающему; *Уолебе*—встрѣчному и т. д.» (Леббокъ).

Въ ряду церемоній дикарь отводитъ большое мѣсто танцамъ и пляскѣ. Мы ужъ знаемъ, что передъ войной и послѣ удачной битвы дикія племена устраиваютъ бѣшеную пляску. Но и въ обыденной ихъ жизни пляска играетъ большое значеніе. Желаетъ ли дикарь умилостивить своихъ боговъ, оплакиваетъ ли смерть друзей и родственниковъ, устраиваетъ ли празднество по случаю рожденія дѣтей или бракосочетанія ихъ, во всѣхъ такихъ случаяхъ онъ затѣваетъ танцы. Послы одного индѣй-

скаго племени, отправляясь для какихъ-либо переговоровъ къ другому племени, подходятъ къ начальникамъ послѣдняго не иначе, какъ съ пляской и пѣніемъ, которое походитъ скорѣе на дикій ревъ, чѣмъ на настоящее пѣніе. Дикари бразильскихъ лѣсовъ, устраивая торжественное празднество, собираются при лунномъ свѣтѣ въ кружокъ на площади, ставятъ посреди нея глиняный горшокъ съ опьяняющимъ напиткомъ и принимаются топать ногами, скакать, кричать, свистать, шумѣть напропалую трещотками. Когда охотникамъ изъ племени манданов (индѣйцы, С. Америка) не удается долгое время убить буйвола, то они принимаются отплясывать «танецъ буйвола» въ надеждѣ, что такимъ образомъ охота ихъ пойдетъ успѣшнѣе. И какой это забавный танецъ! Охотники наряжаются въ маски, сдѣланныя изъ головы буйвола съ рогами, прицѣпляютъ къ своему туловищу буйволиные хвосты и, схватившись руками, становятся въ кругъ и начинаютъ дикую пляску: колотятъ въ барабаны, стучатъ трещотками, скачутъ, какъ шальные, поютъ пѣсни, напоминающія собою вой быковъ. Если кто изъ пляшущихъ устанетъ, то его замѣняетъ другой, а выбывшій изъ круга начинаетъ ломаться, дѣлая видъ, будто онъ буйволъ, котораго ранили стрѣлой и зарѣзали.

Словомъ, пляска, какъ видите, отнимаетъ у дикаря не мало времени, равно какъ и всѣ тѣ церемоніи, о которыхъ говорилось выше. Но все это мало объясняетъ нравъ дикаря. Надо присмотрѣться къ инымъ обычаямъ его, которые показываютъ, какъ понимаетъ дикарь свое отношеніе къ людямъ, что̀ считаетъ онъ хорошимъ и что̀ дурнымъ, чѣмъ отличается его поведеніе отъ поведенія людей нашихъ странъ.

Прежде всего надо замѣтить, что различные путешественники разно толкуютъ о нравѣ дикаря. Одни рисуютъ

его человѣкомъ жестокимъ, несправедливымъ, мстительнымъ и безчестнымъ; другіе же, напротивъ, утверждаютъ, что въ характерѣ дикаря сказывается и доброта, и признательность, и радушіе, и честность, что его сердцу не чужда справедливость, любовь къ дѣтямъ, уваженіе къ старшимъ и пониманіе долга по отношенію къ людямъ вообще. Говоря откровенно, какъ тѣ, такъ и другіе изъ путешественниковъ разсказываютъ и правду, и неправду: правду потому, что они описываютъ только то, что видѣли, а неправду потому, что каждый изъ нихъ судитъ о дикаряхъ по себѣ, мѣряетъ ихъ нравъ, такъ сказать, «на свой аршинъ». А между тѣмъ это большая ошибка. Правила о хорошемъ и дурномъ, о справедливомъ и несправедливомъ не одинаковы у всѣхъ людей. Вотъ почему то, что намъ кажется хорошимъ и справедливымъ, можетъ считаться дурнымъ и несправедливымъ дикарями какого-нибудь племени. Поступая, на нашъ взглядъ, нехорошо и несправедливо, дикари часто думаютъ, что поведеніе ихъ вполнѣ справедливо и заслуживаетъ всяческой похвалы. Ознакомившись съ нѣкоторыми ихъ обычаями, мы увидимъ, что это, дѣйствительно, такъ и бываетъ.

Одинъ путешественникъ разсказываетъ, что ему какъ-то пришлось наткнуться на грустную сцену. Въ пустынѣ онъ встрѣтилъ сѣдовласаго старца, почти слѣпого и высохшаго настолько, что на тѣлѣ его оставались лишь кожа да кости. Это былъ вождь одного индѣйскаго племени. «Дрожа, жался онъ къ костру изъ нѣсколькихъ сучьевъ, прикрытый лишь буйволовой кожею, имѣя для пищи лишь чашку воды и нѣсколько полуобглоданныхъ костей. Этотъ старый воинъ *былъ покинутъ по собственному желанію*, когда его племя двинулось отыскивать новыя мѣста для охоты—подобно тому, *какъ много лѣтъ тому назадъ онъ самъ*, по его словамъ, *оставилъ умирать своего отца, когда послѣд-*

ній сдѣлался уже ни къ чему негоднымъ» (Тайлоръ). Для насъ съ вами не понятно, какъ это можно оставлять на произволъ судьбы престарѣлаго, больного, безпомощнаго человѣка. Но бѣдняки-дикари, которымъ приходится всю жизнь свою бродяжничать въ погонѣ за добычей, разсуждаютъ иначе; больные старики въ пути—одна лишь помѣха, говорятъ они. Какая ихъ жизнь? Охотиться они не могутъ, воевать также не въ силахъ, веселыя празднества и пляски имъ недоступны. А тутъ еще впереди—безконечныя странствованія, перекочевки, стычки съ врагами! Не таскать же всюду съ собою больныхъ и стариковъ? Да они и сами этого не пожелаютъ, какъ не пожелалъ, напримѣръ, тотъ самый престарѣлый вождь, о которомъ только что шла рѣчь. И вотъ дикарь-охотникъ, дикарь-бездомный скиталецъ рѣшаетъ либо убивать больныхъ и стариковъ, чтобъ не доставлять имъ лишнихъ страданій, либо оставляетъ ихъ умирать на мѣстѣ послѣдней стоянки. Осудимъ ли мы его за это? Едва ли. Вѣдь онъ—прежде всего дикарь, т. е. существо болѣе грубое и невѣжественное, чѣмъ любой изъ насъ. Потомъ,—жестокость его на половину исходитъ отъ нужды. Наконецъ, тѣ изъ дикарей, которые ведутъ осѣдлую жизнь и пользуются нѣкоторымъ достаткомъ, обыкновенно относятся съ любовью и вниманіемъ какъ къ старикамъ своимъ, такъ и къ больнымъ.

Есть у насъ заповѣдь: «не убій». Тотъ, кто не исполняетъ ее, несетъ извѣстную кару. И дикарь соблюдаетъ эту заповѣдь, но по своему: *убить единоплеменника*, по его мнѣнію,—грѣхъ и тяжкое *преступленіе*, да и то не всегда; *убить чужеземца*—дѣло хорошее, *доблестный подвигъ*, доказательство мужества, а мужество въ глазахъ дикаря—первѣйшая изъ добродѣтелей. Пока молодой индѣецъ не убилъ кого-либо изъ иноплеменниковъ, онъ не имѣетъ права

украсить свою прическу яркоцвѣтными перьями; пока онъ не «добылъ пера», никто не сочтетъ его доблестнымъ воиномъ и храбрецомъ; а если онъ не заслужилъ этого прозвища, то ни одна дѣвушка не пойдетъ за него замужъ. Вотъ каковы нравы дикарей, вотъ какъ далеко идетъ въ ихъ средѣ власть закоренѣлаго обычая! Иная невѣста изъ племени даяковъ, съ острова Борнео, годами ждетъ счастливаго дня, когда ея женихъ снесетъ голову съ какого-нибудь иноплеменника и получитъ такимъ образомъ право вступить въ бракъ.

Убійство единоплеменника не считается преступленіемъ, когда оно является дѣломъ кровавой мести. Мстить врагамъ — прямой долгъ дикаря; онъ обязанъ мстить и за родителей своихъ, и за родственниковъ, и за все племя, къ которому онъ принадлежитъ. Если, скажемъ, у австралійца кто-либо изъ соплеменниковъ убилъ въ пылу ссоры мать, отца, брата или сестру, то онъ не успокоится, пока не отомститъ убійцѣ. Если убійца скрылся, то все равно — обиженный будетъ преслѣдовать всю родню его и не угомонится до той поры, пока жажда мести въ немъ не погаснетъ, пока кто-либо изъ близкихъ убійцы не падетъ отъ руки кровожаднаго мстителя. Онъ, согласно обычаямъ своей страны, обязанъ это сдѣлать. Иначе любая беззубая старуха, любой щенокъ-мальчишка станетъ издѣваться надъ нимъ. Но мало этого. «Если онъ не женатъ, ни одна дѣвушка не станетъ даже разговаривать съ нимъ; если у него есть жены, онѣ бросятъ его; его мать будетъ стонать и плакать, что родила на свѣтъ такого выродка; его отецъ будетъ обращаться съ нимъ презрительно, и онъ сдѣлается предметомъ всеобщаго презрѣнія» (Тайлоръ). Вражда изъ мести превращается въ настоящую войну, когда убійцей оказывается человѣкъ другого племени, чужеземецъ. Тогда старѣйшины пострадавшаго

племени собираются на совѣтъ и обыкновенно рѣшаютъ итти въ походъ на племя убійцы. Въ бою на первомъ мѣстѣ бьются родственники убитаго. Ихъ тѣло при этомъ бываетъ окрашено сплошь въ черный цвѣтъ: это признакъ печали, которая побуждаетъ ихъ бросаться первыми въ бой, не щадя живота своего...

Есть у насъ и другая заповѣдь: «не укради». И ее дикари соблюдаютъ, только опять таки по своему. Не воруй ничего у соплеменника, гласитъ заповѣдь дикаря, ибо это — дѣло скверное, недостойное честнаго человѣка; у чужеземца же—грѣхъ не своровать: простофиля и никуда негодный человѣкъ тотъ, кто не стащитъ у чужеземца всего, что плохо лежитъ. Дайте индѣйцу какую-либо вещь на храненіе, и онъ будетъ беречь ее, какъ зеницу ока своего; и въ то же время ему ничего не стоитъ стащить у васъ же что-нибудь такое, что вы не довѣрили ему на слово. Разсказываютъ, что австралійцы и бушмены ужасно удивились, когда ихъ наказывали за то, что они таскаютъ овощи изъ огородовъ «бѣлыхъ людей». И понятно, почему они удивлялись. Для бушмена, точно такъ же какъ и для австралійца, понятно одно лишь правило: «все мое—мое, все чужеземное—также мое». «Бѣлые люди» для нихъ чужеземцы; добро «бѣлыхъ людей» нѣчто такое, что можно совершенно свободно брать. И вдругъ ихъ наказываютъ за такой именно поступокъ, за который въ своей средѣ ихъ непремѣнно похвалили бы. Какъ же тутъ не удивляться!

Многіе дикари отлично умѣютъ различать свою собственность отъ чужой; но только у нихъ нѣтъ должнаго почтенія къ собственности чужеземцевъ. Племена, которыя занимаются охотой и рыбной ловлей, имѣютъ обыкновенно свои особенные участки для охоты и рыболовства, и каждое изъ нихъ горячо отстаиваетъ свои права на *пле-*

менную собственность. Если племя разбивается на нѣсколько отдѣльныхъ семействъ, то каждая семья, помимо общей племенной собственности, можетъ имѣть и отдѣльную семейную собственность. Семья имѣетъ свою хижину; при хижинѣ у ней можетъ быть небольшой клочокъ земли, а внутри нея имѣется обыкновенно различная утварь—койки, мельничные камни, глиняная посуда и т. д. Вотъ все это и представляетъ *семейную собственность*. Наконецъ, каждый членъ семьи можетъ имѣть нѣчто такое, что принадлежитъ только ему и никому другому изъ всей семьи. Все, что дикарь носитъ на себѣ и съ собою, какъ то: оружіе, одежда, украшеніе—все это онъ считаетъ своею *личною собственностью*, и никто ужъ у него не можетъ безнаказанно отнять эти предметы. Словомъ, у дикарей есть понятіе о собственности: у каждаго племени есть *имущество общинное* (племенное), *семейное* и *личное*. Само собою разумѣется, что среди жителей каждаго племени часто возникаютъ различные споры изъ-за имущества; нужно, значитъ, имѣть человѣка, который сталъ бы разбирать такіе споры, улаживать недоразумѣнія и примирять недовольныхъ; словомъ, нуженъ опытный, дѣльный совѣтникъ и справедливый судья. Затѣмъ у каждаго племени всегда есть дѣла общія, для рѣшенія которыхъ опять таки нуженъ руководитель. Рѣшаетъ ли племя какой-нибудь споръ съ сосѣдями, ведетъ ли оно переговоры о войнѣ и мирѣ, выбираетъ ли мѣсто для стоянки,—во всѣхъ такихъ вопросахъ приходится полагаться на совѣтъ какого-нибудь толковаго человѣка. Такой-то человѣкъ и становится со временемъ *вождемъ* всего племени. Если вождь къ тому же храбрый воинъ и испытанный боецъ, то онъ становится предводителемъ во время войны; если же мирный правитель не годится въ военачальники, то во время войны избирается особый пред-

водитель изъ среды наиболѣе отважныхъ и прославившихся бойцовъ. Удивительныя штуки продѣлываютъ нѣкоторыя индѣйскія племена, чтобъ испытать мужество того, кого избираютъ они въ предводители! Его стегаютъ плетьми, «коптятъ въ койкѣ надъ огнемъ, зарываютъ по поясъ въ муравейникъ», и если онъ стойко переноситъ всѣ эти истязанія, то его считаютъ достойнымъ званія предводителя. А то устраиваютъ еще такія состязанія: нѣсколько человѣкъ, ищущихъ званія военачальника, поочередно взваливаютъ себѣ на плечи громадное дерево, и кто дотащитъ его дальше всѣхъ, тотъ и считается выбраннымъ въ предводители... Итакъ, мы видимъ, что дикари, какъ бы грубы и невѣжественны ни были они, все же образуютъ небольшія сплоченныя общества, выбираютъ себѣ вождей и военачальниковъ и строго исполняютъ рядъ обычаевъ, которые для нихъ имѣютъ такое же значеніе, какъ и писанные законы для насъ...

V.

Религія дикарей.

Кому поклоняется дикарь? Кому онъ молится и приноситъ жертвы?

Есть много дикихъ племенъ, на языкѣ которыхъ нѣтъ даже словъ, обозначающихъ «Богъ», «божество». Когда индѣйцевъ Калифорніи (полуостровъ въ С. Америкѣ) спрашивали, не знаютъ ли они, кто сотворилъ солнце, луну и звѣзды, кто правитъ землей и жизнью людей, они всегда отвѣчали одно и то же: «Вара», что значитъ—нѣтъ! Когда священники, пришедшіе въ Африку распространять христіанство, стали разсказывать дикарямъ о единомъ

Богѣ, сотворившемъ небо и землю, то одинъ изъ зулусскихъ начальниковъ воскликнулъ: «Какъ бы мнѣ поймать его!» Когда, наконецъ, путешественники спрашивали у нѣкоторыхъ дикарей Африки, зачѣмъ они такъ усердно ищутъ какого-то «Аллаха», то дикари отвѣчали: «О, еслибъ мы могли поймать его! Мы непремѣнно закололи бы его на мѣстѣ: вѣдь, это онъ опустошаетъ наши жилища, убиваетъ нашъ скотъ и нашихъ женъ!»

Отсюда видно, что всѣ эти дикари не имѣютъ ровно никакого понятія о Богѣ, которому поклоняются болѣе просвѣщенные народы. У нихъ или имѣются свои собственныя божества, или же нѣтъ вовсе никакой религіи. Послѣднее весьма вѣроятно. Между дикарями есть такіе, которые не могутъ даже перечесть своихъ пальцевъ. Что жъ тутъ удивительнаго, если такіе неразвитые люди не додумались до какой-либо, хотя бы и самой простой религіи!

Кто же тѣ боги, которымъ поклоняется дикарь, и какъ онъ къ нимъ относится? Прошу выслушать рядъ разсказовъ, а потомъ ужъ сдѣлаемъ свое заключеніе.

«Однажды, разсказываетъ путешественникъ Таннеръ, начальникъ одного индѣйскаго племени, сильно *испуганный грозою*, всталъ и началъ предлагать грому табаку, чтобы этимъ заставить его смолкнуть».

Готтентоты (Африка) считаютъ свое божество—*злымъ духомъ*, который причиняетъ людямъ одни лишь непріятности и страданія: болѣзни, смерть, недородъ, падежъ скота, буря и непогода, все это, по ихъ мнѣнію, дѣло злого духа. Понятно, что *такого бога можно только страшиться и ненавидѣть*. Такъ и относятся къ нему готтентоты. Понятіе о божествѣ у негровъ изъ племени Бончи (Западная Африка) и у индѣйцевъ Западной Америки совершенно такое же: *они поклоняются не доброму, а злому духу*, ста-

раясь всячески умилостивить его, чтобъ избѣжать тѣхъ бѣдствій, которыя насылаетъ на людей злой духъ.

Дикари Новой Зеландіи думаютъ, что каждая болѣзнь причиняется особеннымъ злымъ богомъ. Такъ, головную боль и тошноту производитъ богъ Тонга; боль въ груди вызываетъ божество-ящерица, по имени Мако-Тики; болѣзни ногъ и рукъ причиняются богомъ Тити-гаи, сухотку насылаютъ два бога-близнеца: Ронгомаи и Тупаритапу; страданія желудка и кишекъ производитъ злой духъ Тутангато-кино и т. д. Всѣ эти злыя божества, проголодавшись, пробираются въ тѣло человѣка и начинаютъ грызть его внутренности, причиняя такимъ образомъ страшныя муки и смерть. Чтобъ освободить больного отъ всѣхъ такихъ напастей, новозеландецъ прибѣгаетъ къ помощи колдуновъ и заклинателей злого духа. Заклинатель старается изгнать «нечистую силу» сперва просьбами и лаской; если же это ему не удается, онъ принимается проклинать жестокихъ боговъ, ругаетъ ихъ самыми крѣпкими словами, даже грозится, что онъ ихъ убьетъ и съѣстъ. Непочтительное и враждебное отношеніе нѣкоторыхъ дикарей къ своимъ богамъ видно и изъ слѣдующихъ разсказовъ.

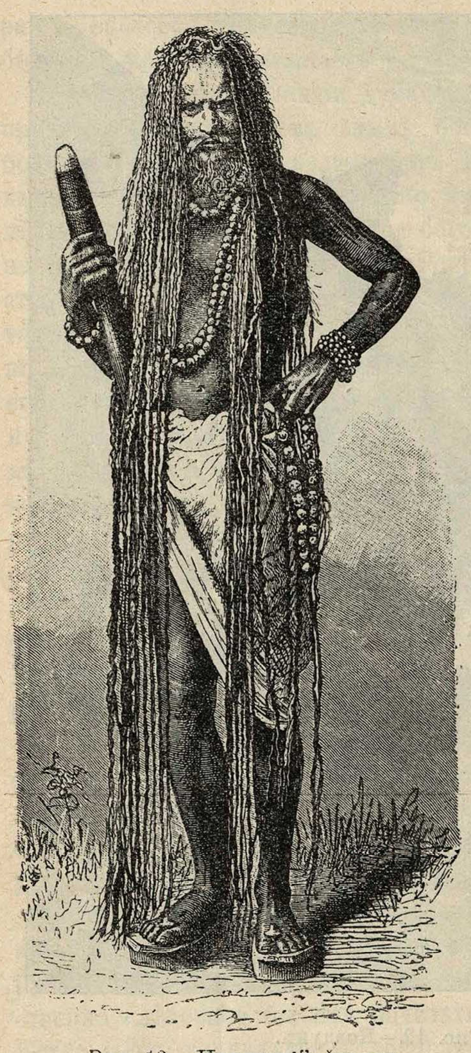
Когда у какой то старухи одного арабскаго племени сильно болѣли зубы, то она обращалась къ своему божеству съ такой молитвой: «О, Аллахъ, пусть твои зубы болятъ такъ же, какъ и мои! О, Аллахъ, пусть болятъ у тебя десны такъ же, какъ у меня!»

Жители Камчатки ругаютъ своихъ боговъ всякій разъ, какъ какое-либо желаніе ихъ не исполняется. Они даже презираютъ своихъ боговъ и не понимаютъ, за что собственно слѣдовало бы ихъ почитать и любить. «Если бы Кутка (богъ камчадаловъ), говорятъ они, не былъ такъ глупъ, развѣ онъ сдѣлалъ бы такія неприступныя горы и такія быстрыя рѣки?»

Рис. 12.—Колдунъ.

Когда одинъ изъ «святыхъ» подвижниковъ Индіи пришелъ въ храмъ, гдѣ стояли изображенія трехъ главныхъ

Рис. 13.—Индусскій факиръ.

боговъ Индіи, то первымъ долгомъ каждому изъ нихъ онъ далъ пинка. Это, видите-ли, онъ сдѣлалъ для того, чтобъ испытать характеръ своихъ боговъ, чтобы узнать, обидчивы ли они, или милостивы.

Многіе изъ негровъ Африки также не очень-то почтительно относятся къ своимъ богамъ. Одни изъ нихъ, напр., бьютъ своихъ идоловъ, если тѣ не выполняютъ ихъ просьбы и желаній; другіе страшно ругаются, когда божество грома посылаетъ на землю грозу, и даже, въ порывѣ злости, пускаютъ въ него отравленныя стрѣлы...

Ну, теперь достаточно примѣровъ. Что же говорятъ намъ они? Жизнь дикаря проходитъ въ тяжелой борьбѣ съ природой и ея явленіями. Буря, непогода, молнія, дикіе звѣри, болѣзни,

страданія, моръ, смерть, все это допекаетъ и страшитъ его. Разобраться въ такихъ явленіяхъ природы, какъ буря и гроза, дикарь не умѣетъ; понять, отчего они происходятъ и какъ уберечь себя отъ ихъ гибельнаго дѣйствія, онъ не въ силахъ; что́ такое болѣзни, какъ предупредить ихъ и какъ лечиться въ случаѣ, если заболѣешь,—онъ опять-таки не знаетъ; оградить себя отъ нападенія страшныхъ звѣрей, съ которыми трудно справиться при помощи жалкаго каменнаго топора или хотя бы отравленной стрѣлы—дѣло не легкое. Какъ же быть? И вотъ въ темной, неразвитой головѣ дикаря, забитаго житейскими невзгодами и запуганнаго всевозможными страхами, зарождается мысль о какой-то «нечистой», злой силѣ, которая только и дѣлаетъ, что причиняетъ людямъ разныя мученія и бѣды. Все, что́ сильнѣе дикаря,—все, что пугаетъ и страшитъ его,—все, что не понятно его младенческому уму,—все это онъ возводитъ на степень божества, и *непремѣнно божества грознаго, мстительнаго, злого*. Само собою понятно, что такое божество нельзя любить: его можно только страшиться, всячески ублажать, а порою,

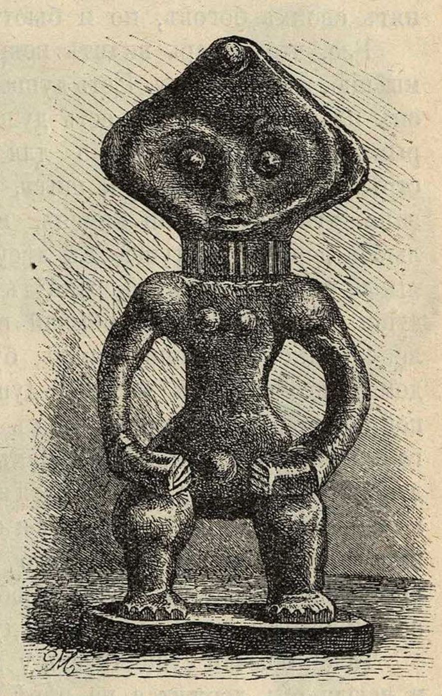

Рис. 14.—Домашній идолъ Фановъ въ западной Африкѣ.

въ минуту отчаянія, и ненавидѣть, какъ нѣчто немилосердное и безжалостное. Вотъ откуда берется такое непочтительное отношеніе многихъ дикарей къ богамъ, вотъ почему дикари временами не только проклинаютъ и бранятъ своихъ боговъ, но и бьютъ ихъ.

Все, что дикарь видитъ вокругъ себя, все это, по его мнѣнію, имѣетъ душу. Есть душа и у челнока, въ которомъ онъ плаваетъ по рѣкѣ, есть душа и у того топора, которымъ онъ срубилъ дерево для челнока. Копье, лукъ и стрѣла, звѣриная шкура, щитъ, глиняный горшокъ, корзина, дубинка, любой камень, валяющійся на дорогѣ, и любое дерево, растущее въ лѣсу,—всѣ эти предметы, по мысли многихъ дикарей, живутъ и имѣютъ свои особенныя души. Приведу одинъ обычай индѣйцевъ, изъ котораго ясно видно, что они вѣрятъ, будто различные предметы домашняго обихода имѣютъ душу. Погребая своихъ покойниковъ, индѣйцы кладутъ съ ними въ могилу оружіе, глиняные горшки, трубку, табакъ и т. д. Тамъ, въ «странѣ духовъ», покойнику понадобится и трубка, и табакъ, и лукъ, и копье, и глиняный горшокъ, и соломенная корзина. Ну, вотъ индѣецъ и снабжаетъ его всѣми необходимыми вещами, надѣясь, что въ «загробномъ мірѣ» души этихъ вещей будутъ жить вмѣстѣ съ душой умершаго.

Такой обычай существуетъ у многихъ дикихъ племенъ, и всюду онъ держится на вѣрѣ, будто души различныхъ предметовъ переходятъ вмѣстѣ съ душой покойника въ иной міръ. Но души бываютъ разныя; это видно уже на людяхъ—одни изъ нихъ добрые, другіе—злые. И точно такъ же есть души милостивыя и добрыя—такихъ мало; есть души гнѣвныя и злыя—такихъ дикарь примѣчаетъ всюду вокругъ себя. Онъ поклоняется и тѣмъ, и другимъ, но предпочтительно старается умилостивить тѣхъ, кого особенно боится, или же отъ кого надѣется получить

какую-либо выгоду. Вода, огонь, солнце, громъ, молнія, луна, звѣзды, деревья, камни—вотъ чему поклоняется дикарь, ибо все это, какъ думаетъ онъ, живетъ, имѣетъ

Рис. 15.—Древнеперуанскіе идолы и жезлы.

душу, способно принести ему, и вредъ и пользу. Скажу больше: иные изъ дикарей поклоняются даже самымъ простымъ домашнимъ предметамъ. Такъ, по словамъ очевидца, въ Индіи «женщина боготворитъ корзину, въ ко-

торой держитъ домашнія вещи, боготворитъ мельницу и прочую хозяйственную утварь и приноситъ имъ жертвы. Плотникъ такимъ же образомъ чтитъ свой топоръ, пилу и другіе инструменты; браминъ (духовное лицо, жрецъ) такъ же относится къ палочкѣ, которою онъ пишетъ; солдатъ—къ оружію, съ которымъ отправляется на поле битвы; каменщикъ—къ своему лому и земледѣлецъ—къ своему плугу» (Леббокъ).

Дикари, сказалъ я, находятся всецѣло во власти природы и ея силъ. Чтобы эти силы не причиняли имъ вреда, они стараются расположить ихъ въ свою пользу, сдѣлать ихъ своими союзниками. Отсюда—поклоненіе водѣ, огню, молніи. Вотъ толпа чернокожихъ дикарей. Они собрались вокругъ пруда и притащили сюда барановъ и глиняные горшки. Прудъ этотъ даетъ начало рѣчкамъ, которыя протекаютъ по ихъ странѣ; а рѣки такъ нужны для орошенія ихъ полей. Ну, какъ не поклоняться пруду? Какъ не просить его о благодатномъ дождѣ? И вотъ эти невѣжественные бѣдняки бросаютъ въ прудъ тучнаго барана (жертва!) и глиняные горшки и причитаютъ: «О, прудъ великій! Отдай эти горшки другимъ озерамъ и рѣкамъ; пусть они наполнятъ ихъ водой и возвратятъ тебѣ обратно, ты же полей этой водою наши засохшія, оскудѣлыя поля!»

Наряду съ поклоненіемъ водѣ и «водяному духу» у дикарей часто наблюдается и поклоненіе камнямъ. Во многихъ мѣстахъ Индіи можно видѣть кучи камней, которые вымазаны красною краской и стоятъ среди хлѣбныхъ полей. Это—«священные камни». Они, какъ думаютъ жители Индіи, охраняютъ поля отъ всякихъ невзгодъ. Такіе же «священные камни» встрѣчаются и въ Африкѣ, и на островахъ Великаго океана: имъ поклоняются, какъ божеству, и приносятъ въ жертву съѣстные припасы. Иногда любой изъ валяющихся на дорогѣ камней можетъ вдругъ

стать въ глазахъ дикаря богомъ—и только потому, что дикарь думаетъ, будто въ камнѣ есть душа, которая можетъ оказать человѣку помощь въ трудномъ дѣлѣ. Одинъ путешественникъ разсказываетъ, что индѣецъ изъ племени Дакота беретъ съ земли круглый камень, раскрашиваетъ его и кладетъ на расчищенномъ мѣстѣ, неподалеку отъ своего жилища; затѣмъ онъ приноситъ этому камню въ жертву табакъ и свое украшеніе изъ перьевъ и проситъ, чтобы тотъ избавилъ его отъ несчастія, которое онъ видѣлъ во снѣ.

Кто поклоняется камнямъ, тому не возбраняется поклоняться и огню. Огнепоклонниковъ среди дикарей также достаточно. Огню молятся, огню приносятъ жертвы, въ огонь бросаются, чтобъ заставить его смѣнить гнѣвъ на милость... «Многія тунгузскія и монгольскія племена, по словамъ ученаго Тайлора, приносятъ жертвы огню и никогда не приступаютъ къ ѣдѣ, не бросивши сперва куска какого-нибудь кушанья на очагъ»; а чернокожіе обитатели Африки приносятъ жертвы не самому огню, а поставленному среди комнаты глиняному горшку для того, чтобы огонь, какъ говорятъ они, «жилъ» въ немъ...

Если поклоняться огню, то почему не считать богами солнце, луну и звѣзды? И это въ большомъ ходу у различныхъ дикихъ племенъ. Луна, солнце и звѣзды для нихъ живыя существа, надѣленныя божественною силой. Въ странахъ жаркихъ солнце считается злымъ существомъ; а въ странахъ холодныхъ, напротивъ, его чтятъ, какъ доброе благодѣтельное божество. Почему это такъ,—всякому понятно.

Луна въ большой чести у нѣкоторыхъ племенъ Африки. Здѣсь всякій разъ, какъ только на небѣ заблеститъ серпъ молодой луны, дикари бросаются на колѣни, начинаютъ хлопать въ ладоши, читаютъ молитвы и громко воскли-

цаютъ: «Да обновится и наша жизнь такъ же, какъ обновлаешься ты, о, прекрасная луна!»

Столь же интересно сказывается почитаніе звѣздъ у нѣкоторыхъ дикарей Южной Америки. Есть великолѣпное созвѣздіе, по имени Плеяда (группа изъ семи звѣздъ, «стожаръ»). Абипоны, одно изъ дикихъ племенъ Ю. Америки, увѣрены, что они ведутъ свой родъ отъ звѣздъ Плеяды: звѣзды Плеяды, по мнѣнію абипоновъ, это—ихъ предокъ, поселившійся на небѣ. Ежегодно, въ извѣстное время, Плеяда бываетъ не видна на небѣ Южной Америки. Абипоны тогда думаютъ, что предокъ ихъ захворалъ, и очень опасаются за жизнь его. Но вотъ, въ маѣ мѣсяцѣ, Плеяда вновь загорается на небѣ. Тутъ дикари приходятъ въ неописуемый восторгъ. Они кричатъ, играютъ на дудкахъ и трубахъ, бьютъ въ барабаны, привѣтствуя такимъ образомъ своего выздоровѣвшаго прародителя...

VI.

Еще о вѣрованіяхъ дикаго человѣка.

Продолжаемъ нашу бесѣду о вѣрованіяхъ дикарей.

Въ кругу боговъ, которымъ молится и приноситъ жертвы дикій человѣкъ, «священныя деревья» занимаютъ одно изъ видныхъ мѣстъ. Поклоненіе деревьямъ заведено у дикарей всѣхъ странъ свѣта: и въ Азіи, и въ Америкѣ, и въ Африкѣ, и въ Австраліи, и на безчисленныхъ островахъ, разбросанныхъ среди океановъ, всюду вы встрѣтите людей, которые обожествляютъ нѣкоторыя деревья.

Загляните, напр., въ Африку, къ чернокожимъ неграмъ, живущимъ по берегамъ рѣки Конго. Подлѣ жилищъ ихъ вы увидите деревья, которыя на языкѣ ихъ называются *мирроне*. Это—священныя деревья. Они считаются по-

кровителями людей; они, какъ думаетъ негръ, оберегаютъ его отъ всякихъ бѣдъ и злоключеній. Негръ чтитъ свое священное дерево, какъ бога, и ставитъ подлѣ него сосуды съ пальмовымъ виномъ: можетъ статься, что «богъ» захочетъ пить; тогда ему будетъ чѣмъ утолить жажду.

У негровъ Гвинеи (въ Зап. Африкѣ) также есть священное дерево. Одно изъ такихъ деревьевъ, по словамъ очевидца, отличалось необычайною величиной. Въ стволъ его были воткнуты стрѣлы, а на стрѣлахъ были привѣшены плоды, овощи, домашніе куры и многіе другіе съѣстные припасы: все это благочестивые негры принесли въ жертву дереву, которое они чтили, какъ бога.

Въ Мексикѣ (Ср. Америка) ученый Тайлоръ видѣлъ старинный кипарисъ также замѣчательной величины: ему, должно быть, было уже нѣсколько вѣковъ отъ роду. Бусы изъ ракушекъ, обрывки лентъ, разноцвѣтные ласкутья, зубы, клочья шерсти и волосъ были развѣшаны въ большомъ числѣ на вѣтвяхъ этого кипариса. Онъ почитался, какъ божество, и все, что красовалось на вѣтвяхъ его, все это были жертвы, принесенныя дикарями по обѣщанію.

Особенный интересъ представляетъ то священное дерево, которое видѣлъ ученый Дарвинъ въ Патагоніи (страна въ Южной Америкѣ). Громадное и одинокое, оно стояло на возвышенномъ мѣстѣ среди равнины и было видно издалека. Патагонцы считаютъ его обиталищемъ своего главнаго бога, и потому поклоняются и самому дереву. «Это было зимою, когда я увидѣлъ его,—разсказываетъ Дарвинъ. На деревѣ не было листьевъ; ихъ замѣняли нитки и снурки, обмотанные вкругъ вѣтвей, а наниткахъ висѣли различныя приношенія, какъ-то: сигары, хлѣбъ, мясо, куски одежды и многое другое. Бѣдняки, за неимѣніемъ лучшаго, выдергивали нитку изъ своей одежды и привязывали ее къ дереву. Кромѣ того индѣйцы имѣли

обыкновеніе вливать спиртные напитки въ особое отверстіе въ деревѣ, а также пускали кверху клубы табачнаго дыма, желая сдѣлать какъ можно болѣе пріятнаго своему богу. Въ дополненіе картины слѣдуетъ еще замѣтить, что вокругъ дерева были разбросаны кости принесенныхъ въ жертву лошадей»...

Не остаются въ обидѣ и животныя. Многія изъ нихъ также пользуются славой и почетомъ въ кругу дикарей. Змѣя, крокодилъ, черепаха, слонъ, медвѣдь, левъ, дикобразъ, сова, орелъ, обезьяна—каждое изъ этихъ животныхъ считается божествомъ въ глазахъ какого-нибудь племени дикарей. Но особенно распространено поклоненіе змѣѣ: среди «боговъ» она занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. У чернокожихъ жителей многихъ странъ Африки змѣя считается существомъ всесильнымъ; къ ней обращаются съ мольбой объ избавленіи отъ болѣзней, засухи и другихъ несчастій; никто не смѣетъ причинить ей умышленно вредъ, а если и причинитъ, то непремѣнно наказывается смертью; для нея всюду устраиваются маленькія хижины, гдѣ за нею ухаживаютъ особыя прислужницы; ее кормятъ отборною пищей; для нея, наконецъ, строятся храмы съ большими дворами, а при такихъ дворахъ имѣются обширныя помѣщенія, гдѣ живетъ многочисленная прислуга, которая обязана всячески заботиться о благоденствіи «священной» змѣи...

Убить «священное» животное считается большимъ грѣхомъ. Поэтому, напр., индѣецъ, застрѣлившій на охотѣ медвѣдя, становится передъ убитымъ звѣремъ на колѣни и слезно проситъ у него прощенія; а кафры, которымъ послѣ долгой и утомительной охоты удастся, наконецъ, убить слона, спѣшатъ оправдаться передъ убитымъ животнымъ, «заявляя, что все это случилось совершенно нечаянно, безъ всякаго намѣренія; и чтобы еще болѣе

очистить себя, они отрубаютъ у слона хоботъ и хоронятъ его съ большими почестями» (Леббокъ).

Почему дикари поклоняются деревьямъ и животнымъ,— объяснимъ ниже; теперь же скажемъ еще нѣсколько словъ о другихъ божествахъ дикаго человѣка.

Извѣстный путешественникъ Лэндеръ говоритъ, что во многихъ городахъ и деревняхъ Африки дикари встрѣчали его и его товарищей какъ какихъ-то боговъ; почти всюду, куда ни являлись они, ихъ встрѣчали съ удивленіемъ, страхомъ и суевѣрнымъ трепетомъ. Вотъ что сказалъ Лэндеру старшина одного дикаго племени: «Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ вы только что высадились въ нашей странѣ, одинъ изъ моихъ слугъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что множество какихъ-то странныхъ людей явились на базарную площадь. Я отправилъ его назадъ и велѣлъ ему узнать отъ васъ, что̀ вы намѣреваетесь дѣлать здѣсь. Онъ скоро вернулся и сказалъ, что вы говорите на языкѣ, котораго онъ понять не можетъ. Тогда я рѣшилъ, что вы намѣреваетесь ночью напасть на мою деревню и увести моихъ людей, а потому приказалъ имъ готовиться къ бою. Но когда вы вышли къ намъ безъ оружія, и мы увидѣли ваши бѣлыя лица, мы всѣ такъ перепугались, что не въ силахъ были ни натянуть лука, ни пошевелить рукой или ногой; а когда вы приблизились ко мнѣ и протянули руки, я почувствовалъ, что мое сердце замерло: я былъ увѣренъ, что вы — дѣти Неба и упали съ небесъ».

То же самое объ отношеніи дикарей къ «бѣлымъ» разсказываютъ и другіе путешественники. Бывали случаи, когда дикари поклонялись «бѣлымъ», какъ настоящимъ богамъ: приносили имъ жертвы и молили ихъ объ избавленіи отъ различныхъ бѣдъ [1]).

---

[1]) Обыкновенно дикари относятся къ «бѣлымъ» очень враждебно.

Такое же благоговѣніе внушаютъ дикарямъ и ихъ собственные вожди, правители и военачальники. Можно было бы привести много разсказовъ, изъ которыхъ видно, что дикія племена зачастую обоготворяютъ своихъ вождей и оказываютъ имъ божескія почести. Но я ограничусь только однимъ примѣромъ.

Король и королева на островѣ Таити (Великій океанъ) почитаются, какъ божества. Всякій предметъ, побывавшій хоть разъ у нихъ въ рукахъ, считается настолько священнымъ, что никто ужъ не смѣетъ употреблять его въ обыденной жизни. Даже тѣ звуки, изъ которыхъ сложены имена короля и королевы, считаются чѣмъ-то священнымъ. Дворцы ихъ называются не иначе, какъ «небесныя облака»; лодка ихъ именуется радугой, голосъ — громомъ небеснымъ, а факелы, освѣщающіе ихъ жилище, величаются молніями; такъ что всякій проходящій вечеромъ мимо жилища короля не смѣетъ сказать: «во дворцѣ зажжены огни»,— нѣтъ, онъ обязанъ выразиться такъ: «молніи заблистали въ облакахъ неба»...

Итакъ, что же мы можемъ сказать о вѣрованіяхъ дикарей вообще?

1) Все необычайное и непонятное вызываетъ въ дикарѣ поклоненіе. Таково, напр., поклоненіе путешественникамъ и многое другое.

2) Все сильное, наводящее страхъ, внушающее опасность, способное причинить зло и вызывающее какой-то священный трепетъ, все это также можетъ сдѣлаться предметомъ поклоненія и обоготворенія. Сильный и отважный предводитель, разрушительная гроза, смертоносная молнія, наводящіе ужасъ раскаты грома, ядовитая змѣя, чудовищный крокодилъ, кровожадный тигръ, страшный бегемотъ или слонъ — вотъ цѣлый рядъ существъ и явленій природы, которыя дикарь обожествляетъ: имъ онъ молится

и приноситъ умилостивительныя жертвы, ихъ проситъ о помощи или о пощадѣ.

3) Дикарь готовъ считать божествомъ всякій предметъ и всякое явленіе природы, которые приносятъ ему пользу. Отсюда—поклоненіе нѣкоторымъ полезнымъ животнымъ и растеніямъ.

Однако поклоненіе деревьямъ, животнымъ и даже камнямъ происходитъ и по другой причинѣ, а именно:

4) Дикари очень чтятъ своихъ предковъ. Многіе изъ предковъ въ ихъ глазахъ все одно, что боги. Положимъ, что предокъ одного индѣйскаго племени назывался «Ворономъ», предокъ другого племени именовался «Волкомъ», а у третьяго племени онъ носитъ кличку «Медвѣдь». Это—дѣло обыкновенное: дикари часто, за недостаткомъ словъ въ своемъ языкѣ, даютъ людямъ имена различныхъ животныхъ.

Что же изъ этого получается въ концѣ концовъ? А вотъ что: именемъ предка начинаютъ называть все племя, такъ говорятъ: индѣецъ изъ племени «Воронъ», или «Медвѣдь», или «Бобръ», или «Волкъ». Со временемъ забывается, что слова «Воронъ», «Медвѣдь», «Волкъ» и т. п.—всего лишь *имена* предковъ, и дѣло поворачивается такъ, будто родоначальникомъ одного племени былъ *настоящій* воронъ, другое племя ведетъ свой родъ отъ *настоящаго* медвѣдя, а третье произошло отъ *настоящаго* волка. Словомъ, выходитъ такъ, будто родоначальниками различныхъ дикихъ племенъ были животныя—медвѣдь, волкъ, воронъ, бобръ. А предковъ полагается почитать за боговъ. Отсюда—и почитаніе тѣхъ животныхъ, которыя считаются родоначальниками того или иного дикаго племени. Такъ же могло народиться и поклоненіе нѣкоторымъ деревьямъ. Но это еще не все.

5) Дикарь, какъ и всякій человѣкъ, видитъ, конечно,

сны. Какъ же онъ объясняетъ себѣ сновидѣнія? Очень просто: душа во время сна покидаетъ тѣло человѣка и пускается странствовать; тѣло въ этихъ ночныхъ похожденіяхъ души не принимаетъ никакого участія; оно остается тамъ, гдѣ заснулъ человѣкъ; затѣмъ къ утру душа вновь возвращается къ тѣлу, входитъ въ свое жилище (въ тѣло), и человѣкъ просыпается. Словомъ, дикарь убѣжденъ, что душа можетъ оставлять на время тѣло и жить самостоятельно. Отсюда ужъ онъ объясняетъ себѣ, что́ такое смерть. Смерть, какъ полагаетъ дикарь,—то же, что́ и сонъ; только это — сонъ продолжительный, а, быть можетъ, и безконечный. Когда человѣкъ умираетъ, то духъ его оставляетъ тѣло навсегда. Но духъ не умираетъ. Онъ продолжаетъ жить нѣкоторое время самъ по себѣ; а потомъ... потомъ входитъ въ тѣло какого-нибудь животнаго, или въ дерево и даже въ камень. То же самое случилось и съ духомъ предковъ. Предки мои, говоритъ дикарь, умерли; духъ же ихъ продолжаетъ жить. Но гдѣ? Иногда духъ предка входитъ въ тѣло змѣи, черепахи или крокодила; въ другихъ случаяхъ онъ поселяется въ томъ деревѣ, которое было посажено на могилѣ предка; наконецъ, онъ можетъ перебраться на жительство въ тѣ надгробные памятники и каменныя плиты, которые стоятъ надъ могилами предковъ. И вотъ тотъ самый предметъ, въ которомъ яко-бы поселяется духъ предка, становится въ глазахъ дикаго человѣка божественнымъ: божественъ тотъ камень, въ которомъ поселился духъ предка; достойно почитанія то животное, которое дало внутри себя пріютъ душѣ умершаго предка; заслуживаетъ поклоненія и то дерево, которое стало вмѣстилищемъ для духа предковъ.

Теперь, надѣюсь, вы поймете, откуда у дикаря берется такое множество боговъ и почему онъ поклоняется и животнымъ, и деревьямъ, и камнямъ. А если вамъ всего

этого недостаточно, то предлагаю прочесть напослѣдокъ слѣдующую чистосердечную исповѣдь одного негра: эта исповѣдь покажетъ вамъ наглядно, какъ легко невѣже-

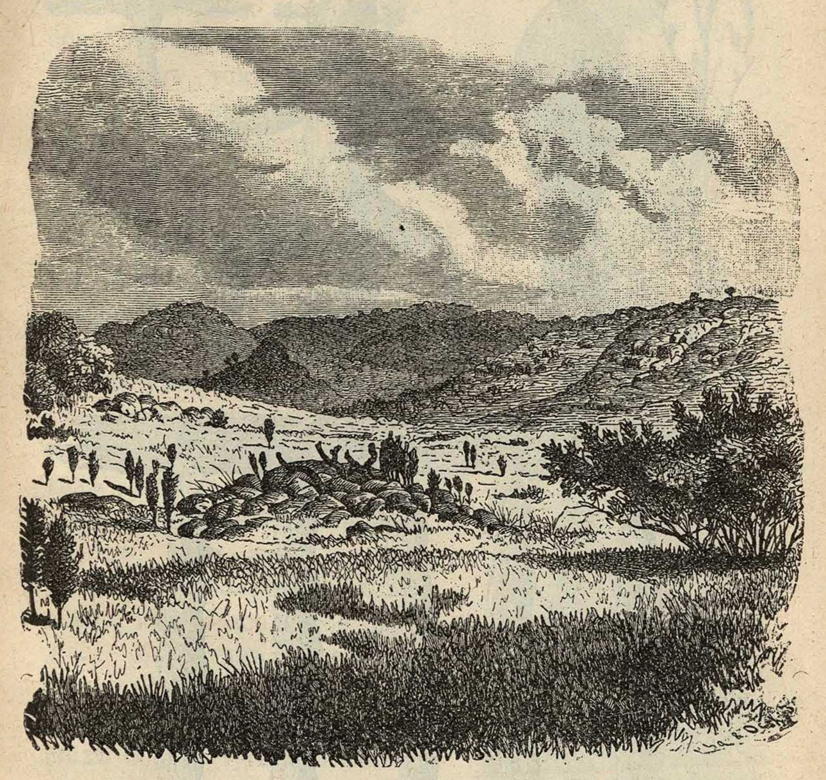

Рис. 16. — Могилы дамаровъ.

ственный человѣкъ измышляетъ для себя все новыхъ и новыхъ боговъ. «Если—такъ говорилъ негръ—кто-нибудь изъ насъ рѣшается предпринять что-либо важное, то мы прежде всего *отыскиваемъ* бога, который бы помогъ въ задуманномъ нами дѣлѣ. Вышедши съ этой цѣлью изъ

дома, мы беремъ первое попавшееся намъ на глаза живое

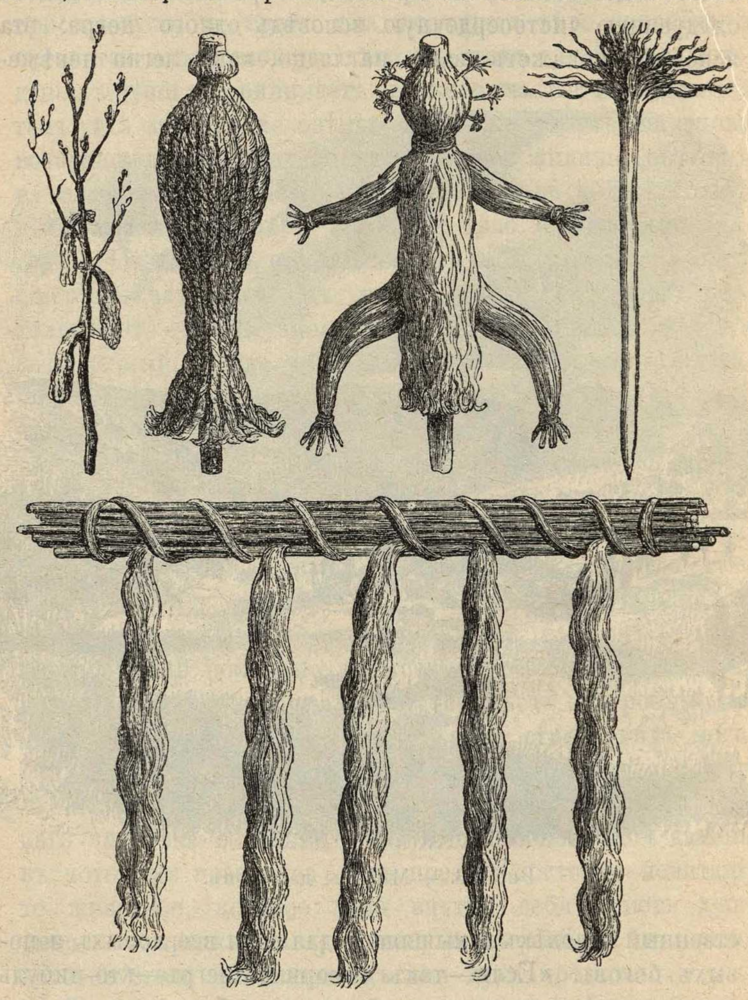

Рис. 17. - Священныя палки дикарей.

существо: собаку, кошку и даже всякое самое презрѣнное

животное, а иногда, вмѣсто того, даже и неодушевленный предметъ, попавшійся намъ на дорогѣ: камень, кусокъ дерева, или что-нибудь другое въ томъ же родѣ. Этому вновь выбранному богу мы приносимъ жертву и даемъ торжественный обѣтъ, что если ему угодно будетъ помочь нашей затѣѣ, то мы на будущее время станемъ всегда поклоняться ему и чтить его, какъ бога. Если наше предпріятіе кончится успѣшно, это значитъ, что мы открыли новаго и помогающаго въ дѣлахъ нашихъ бога, и ему ежедневно приносятся новыя жертвы; если же случится противное,—новаго бога бросаютъ, какъ безполезное орудіе... Мы — такъ закончилъ свою исповѣдь негръ — дѣлаемъ и уничтожаемъ нашихъ боговъ чуть ли не ежедневно, и, стало быть, мы сами изготовители и изобрѣтатели того, чему приносимъ жертвы»... (Леббокъ).

Нужно ли прибавлять, что вѣрованія первобытныхъ лю-

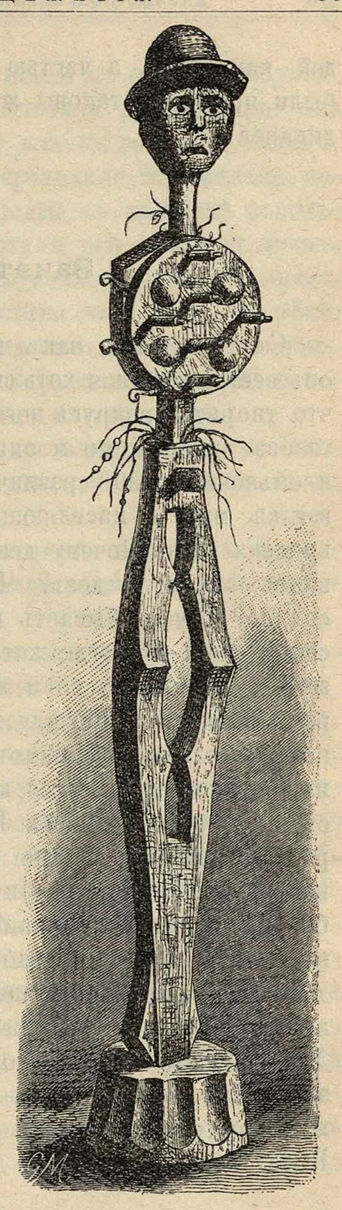

Рис. 18.—Идолъ изъ Габуна.

дей каменнаго, а частью бронзоваго и желѣзнаго вѣка были примѣрно таковы же, какъ и вѣрованія нынѣшнихъ дикарей?..

VII.

Зачатки науки.

Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ существуетъ на землѣ, онъ всегда пытался хоть сколько-нибудь уразумѣть все то, что творится вокругъ него. Ужъ на что слабо работаетъ голова дикарей, но и они пытаются какъ-нибудь понять и объяснить себѣ различныя явленія природы. Откуда взялся міръ и населяющіе его люди? Отчего бываютъ времена года? Почему день смѣняется ночью, за которою вновь слѣдуетъ день? Что вызываетъ затменіе луны и солнца? Отчего бываетъ громъ, молнія, дождь, землетрясенія? Вотъ вопросы, которые занимаютъ не только образованныхъ людей, но и жалкихъ, невѣжественныхъ дикарей. Дикарь—сущій младенецъ по уму; онъ грубъ и малопонятливъ; никакой грамоты, никакихъ наукъ онъ не знаетъ; и все-таки ему хочется знать многое такое, что интересуетъ всякаго человѣка. Понять и объяснить явленія природы правильно онъ не можетъ: для этого у него нѣтъ настоящихъ знаній, да и голова его врядъ ли справилась бы съ настоящимъ знаніемъ. Поэтому онъ объясняетъ все по своему, часто забавно и нелѣпо; но все-таки онъ доволенъ такимъ объясненіемъ и вѣритъ въ свои толкованія не меньше, чѣмъ мы вѣримъ въ толкованіе ученыхъ. Для него это—то же, что для насъ съ вами наука. Пусть это смѣхотворная наука—нѣтъ нужды: она дала толчокъ и выдвинула къ жизни нынѣшнюю, подлинную науку. Вѣдь, когда то и наши дикіе предки, люди каменнаго и

бронзоваго вѣка, пробавлялись такою же нелѣпою наукой. Они—хорошо ли, дурно ли—а все-таки размышляли; ихъ умъ работалъ, а сердце влекло ихъ къ познанію истины. Изъ поколѣнія въ поколѣніе переходило это желаніе понять и объяснить явленія природы; съ каждымъ поколѣніемъ мысль крѣпла, умъ работалъ все лучше и лучше, нелѣпыя толкованія замѣнялись толкованіями дѣльными, правда вытѣсняла вымыселъ, истина становилась на мѣсто смѣхотворнаго вздора; и такъ создалась, въ концѣ концовъ, та самая наука, которою теперь гордится—и вполнѣ основательно—образованный человѣкъ нашихъ дней...

Не стану утруждать васъ мудрствованіями дикарей насчетъ явленій природы, но кое-что наиболѣе любопытное все же разскажу.

Вотъ, напримѣръ, какъ объясняетъ дикарь съ Филиппинскихъ островов, откуда взялись міръ и населяющіе землю люди.

Въ началѣ міръ состоялъ изъ воды, неба и двухъ коршуновъ, которые летали между небомъ и водой. Коршуны, наконецъ, утомились летать; но отдохнуть имъ было негдѣ. Тогда они поссорили небо съ водой. Небо придавило воду островами, и такъ появилась суша, на которую опустились уставшіе коршуны. Въ водѣ плавалъ тростникъ о двухъ колѣнахъ. Его прибило волнами къ одному изъ острововъ подъ ноги сидѣвшему здѣсь коршуну. Коршунъ расщепилъ тростникъ на двѣ половинки, и изъ одной половинки тогда народился мужчина, а изъ другой—женщина. Затѣмъ, по повелѣнію бога, первые люди вступили въ бракъ; и во время ихъ брака случилось первое землетрясеніе, но за то потомъ земля заселилась людьми: всѣ дикія племена ведутъ свой родъ отъ мужчины и женщины, которые народились изъ двухъ колѣнъ тростника...

А вотъ разсужденіе индѣйца о томъ, какъ на землѣ явилось лѣто.

Въ далекія отъ насъ времена, какъ гласитъ индѣйское преданіе, на землѣ царила вѣчная зима. Но ласка (небольшое животное), взявши себѣ на помощь другихъ животныхъ, прогрызла на небѣ большую дыру. Тогда сквозь эту дыру подули изъ заоблачной небесной страны теплые вѣтры, и лѣто спустилось на землю. Разгнѣвались жители неба; жалко имъ стало разставаться съ теплыми вѣтрами, и вотъ они стали преслѣдовать ласку и пускать въ нее стрѣлы. Одна изъ стрѣлъ попала въ больное мѣсто на тѣлѣ ласки, въ кончикъ ея хвоста, и несчастная ласка умерла, а распростертый трупъ ея остался на небѣ въ видѣ цѣлой кучки звѣздъ... Красивое толкованіе не такъ ли? Но, вѣдь, въ немъ все—одна сплошная выдумка.

Столь же интересно объясняетъ дикарь-новозеландецъ, почему на небѣ, вслѣдъ за скрывшимся солнцемъ, появляется луна. Богъ Мади, говоритъ новозеландецъ, привязалъ къ солнцу веревку, а другой конецъ ея прикрѣпилъ къ лунѣ. Когда солнце закатывается, то оно тащитъ за собою веревку и вытягиваетъ такимъ образомъ на небо луну, чтобы она свѣтила людямъ наподобіе ночного факела...

Не оставляетъ дикарь безъ объясненія и такія явленія природы, какъ затменіе солнца и луны. Спросите, напримѣръ, у индѣйца изъ Канады, почему бываетъ затменіе солнца, и онъ отвѣтитъ вамъ примѣрно вотъ что: Солнце и луна—это мужъ и жена. У нихъ есть сынъ. Когда солнце, желая пособить женѣ, беретъ у нея изъ рукъ сына и принимается убаюкивать его, то ребенокъ своимъ тѣломъ заслоняетъ свѣтъ солнца,—и происходитъ затменіе; когда же солнце передаетъ сына обратно женѣ, затменіе проходитъ.

Индѣецъ изъ другого племени еще забавнѣе объясняетъ, отчего бываетъ затменіе луны. Огромная собака, говоритъ онъ, гонится по небу за луной, хватаетъ ее и грызетъ. Несчастная луна обливается кровью, и при этомъ ликъ ея темнѣетъ. Вотъ почему во время затменія луны индѣйцы поднимаютъ отчаянный вой, колотятъ въ барабаны и стрѣляютъ въ небо; они думаютъ напугать чудовище, напавшее на луну, и отогнать его прочь...

Не хотите ли теперь выслушать, почему бываетъ громъ и молнія и кто производитъ землетрясеніе? Одинъ разсуждаетъ о громѣ и молніи такъ. Надъ высокою горой въ небесахъ живетъ красавица принцесса. У нея въ рукахъ большой сосудъ съ дождемъ. Временами къ принцессѣ подходитъ ея братъ. Онъ ударяетъ палкой о кувшинъ: при ударѣ изъ кувшина вылетаетъ искра—молнія, а самый ударъ такъ силенъ, что люди слышатъ громъ.

Другой, повидимому, ничего не знаетъ о такомъ толкованіи причинъ грома и молніи, а потому придумываетъ свое собственное. На солнцѣ, говоритъ онъ, есть дворецъ. Во дворцѣ живетъ птица, по имени Великій Духъ. Временами эта птица слетаетъ на землю, и въ это то время отъ нея исходитъ громъ и молнія: громъ — это шелестъ ея могучихъ крыльевъ, а молнія—сверканіе ея грозныхъ очей... Просто и занятно, но опять-таки—чистѣйшій вздоръ, разумѣется. Такимъ же вздоромъ приходится признать и слѣдующія толкованія причины землетрясеній.

Дикарь полинезіецъ думаетъ, что нѣкій великанъ, по имени Мауи, держитъ землю на своемъ распростертомъ тѣлѣ. Иногда ему дѣлается неудобно лежать. Онъ поправляется, стараясь расположиться поудобнѣе, и тутъ-то происходитъ землетрясеніе. Полинезійцы убѣждены, что они даже знаютъ, какъ остановить землетрясеніе: для этого они вооружаются палками и начинаютъ колотить землю.

Ну, конечно, разъ земледержецъ-Мауи ведетъ себя не хорошо, то самое лучшее — высѣчь его! Впрочемъ, куда милѣе и занятнѣе толкованiе камчадаловъ. У нихъ имѣется особый богъ землетрясенiй, по имени Туилъ. Туилъ— большой охотникъ кататься на саняхъ, въ которыя запряжены собаки. Прогулки свои онъ совершаетъ подъ землей. Но не въ прогулкахъ этихъ вся бѣда, а въ собакахъ. Когда онѣ стряхиваютъ съ себя снѣгъ или блохъ, происходитъ землетрясенiе... Примѣры эти наглядно подтверждаютъ то, о чемъ говорилось въ началѣ этой главы: вымыселъ, нелѣпая фантазiя и басня замѣняютъ на первыхъ порахъ подлинную науку. Но не станемъ больше распространяться на этотъ счетъ. Посмотримъ лучше, какъ стоитъ у дикарей дѣло грамоты вообще.

Насъ съ дѣтства учатъ читать и писать. Для насъ грамота—вещь настолько обычная, что мы даже не задумываемся надъ вопросомъ, откуда и какъ возникло умѣнiе читать и писать, кто первый выдумалъ азбуку. Быть можетъ, дикари помогутъ намъ разобраться и въ этомъ хоть немножко.

Какъ-то одинъ изъ путешественниковъ, занимаясь плотничаньемъ, послалъ своего слугу, дикаря, домой, къ женѣ, за наугольникомъ. Такъ какъ дикарь не умѣлъ разговаривать на языкѣ путешественника, то послѣднiй вручилъ ему такого рода «записку»: взялъ щепку и намалевалъ на ней кускомъ угля нѣсколько словъ своей женѣ. Дикарь вернулся съ наугольникомъ, страшно пораженный тѣмъ обстоятельствомъ, что *щепка умѣетъ говорить*. Послѣ этого онъ долго носилъ при себѣ эту щепку, показывалъ ее своимъ товарищамъ, какъ необычайную диковинку, и всякiй разъ восклицалъ: «Вотъ такъ штука! Рта не имѣетъ, а отлично говоритъ!»

Другой разъ какой-то негръ несъ, по порученiю своего

господина, письмо къ сосѣду. Ему часто приходилось разносить письма. На этотъ разъ онъ шелъ неохотно, ротозѣйничалъ, заговаривалъ съ встрѣчными пріятелями и подолгу останавливался въ пути. Но всякій разъ, какъ ему приходила охота покалякать съ пріятелемъ, онъ первымъ дѣломъ пряталъ письмо подъ камень. Зачѣмъ? А, видите ли, онъ думалъ, что письмо «умѣетъ говорить», и боялся, какъ бы оно не разсказало хозяину про то, что дѣлалъ онъ въ дорогѣ.

Привелъ я эти оба разсказа лишь для того, чтобъ показать вамъ, что дикари часто не имѣютъ ровно никакого понятія объ искусствѣ читать и писать. Однако между дикарями встрѣчаются племена, у которыхъ замѣчаются уже зачатки письма.

Презабавное это письмо! Взгляните: передъ вами прошеніе индѣйцевъ. Оно вырѣзано на кускѣ древесной коры. Это прошеніе было отправлено президенту Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ [1]).

Что же изображаетъ собою оно? Что въ немъ написано, вѣрнѣе, *нарисовано?* О чемъ просятъ индѣйцы? Прежде чѣмъ разобрать рисунокъ, не мѣшаетъ вспомнить, что различныя общины индѣйцевъ обыкновенно носятъ имена различныхъ животныхъ. Теперь слѣдите за рисункомъ. Впереди изображенъ будто бы журавль: это— *гербъ* или *фамильный знакъ* индѣйцевъ изъ племени «Журавль». За журавлемъ идутъ изображенія другихъ животныхъ: куницы (см. рис. 19 цифры—2, 3 и 5), медвѣдя (цифра—4), морского кота (цифра—7) и человѣка (цифра—6). Все это прозвища шести остальныхъ общинъ. Отъ глаза журавля проведены линіи къ глазамъ всѣхъ

---

[1]) Такъ называется большое государство въ Сѣв. Америкѣ. Верховный глава этого государства именуется президентомъ.

остальныхъ животныхъ; сердце его также соединено нитями съ сердцемъ каждаго изъ остальныхъ животныхъ. Наконецъ, отъ глаза журавля идетъ еще одна длинная нить къ группѣ озеръ, нарисованныхъ въ лѣвомъ углу рисунка (цифра—8). Прошенiе гласитъ, очевидно, слѣдующее: Мы, жители семи индѣйскихъ общинъ, просимъ президента, чтобъ онъ разрѣшилъ намъ владѣть такими то озерами. Вы спросите: откуда это слѣдуетъ? А вотъ

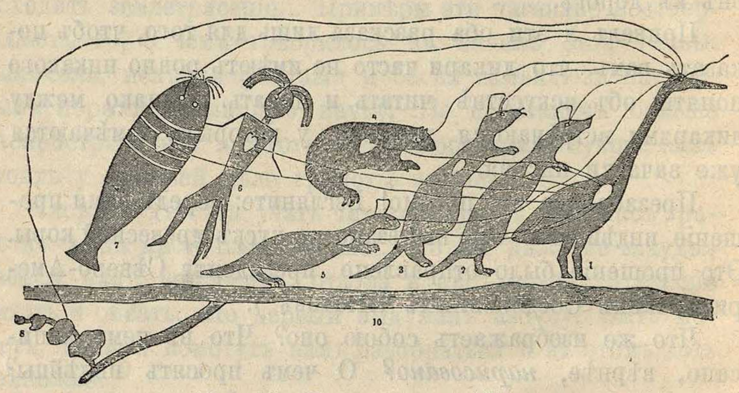

Рис. 19.—Прошенiе индѣйцевъ.

откуда: предводитель всѣхъ общинъ, вождь изъ племени «Журавль», идетъ впереди всѣхъ; его глазъ соединенъ линiей съ озерами; это значитъ, что его просьба касается права владѣть озерами. Глаза всѣхъ другихъ соединены съ его глазомъ; стало быть, и остальныя общины просятъ о томъ же. Наконецъ, и сердце предводителя связано съ сердцами всѣхъ остальныхъ животныхъ (именные знаки общинъ). Значитъ, и желанiя ихъ одни и тѣ же: *всѣ* воодушевлены однимъ чувствомъ, *всѣ* просятъ объ одномъ и томъ же.

Не только индѣйцы, но и нѣкоторыя другiя дикiя пле-

мена выражаютъ такимъ образомъ свои мысли. На корѣ дерева, на камняхъ, на костяныхъ пластинкахъ они выцарапываютъ различные рисунки, изображающіе то охоту, то войну, то какой-либо случай изъ своей жизни. Глядя на такіе рисунки, дикари понимаютъ, что̀ именно изображено на нихъ, что̀ хотѣлъ сказать тотъ, кто рисовалъ ихъ. Поэтому, въ случаѣ надобности, дикарь можетъ нацарапать на кускѣ коры рядъ рисунковъ и отправить это свое «письмо» другому дикарю, а тотъ уже, должно быть, сумѣетъ догадаться, о чемъ ему пишутъ. Дальше этого искусство писать у дикарей не идетъ. Но знаете

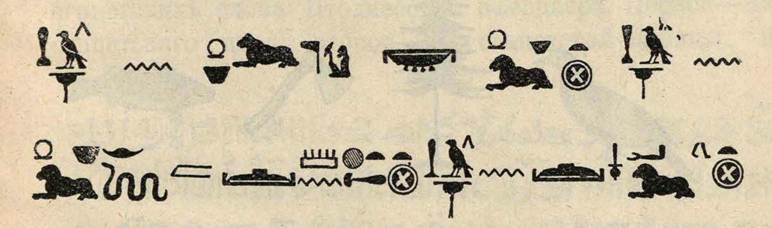

Рис. 20.—Египетскія письмена (іероглифы).

ли вы, что такія именно замысловатыя письмена положили начало тѣмъ самымъ буквамъ, которыми напечатана вотъ эта книжка? Сейчасъ вы увидите, что это на самомъ дѣлѣ такъ.

Древніе египтяне, жившіе нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, уже умѣли писать. Но письмена ихъ вначалѣ ничѣмъ по существу не отличались отъ письменъ нынѣшнихъ индѣйцевъ. Египтянинъ высѣкалъ на камнѣ, обыкновенно на памятникахъ, звѣрей, птицъ, различные фигуры, предметы и т. п. (см. рис. 20). Каждый предметъ изображалъ цѣлое слово; рядъ предметовъ, расположенныхъ одинъ возлѣ другого, или одинъ надъ другимъ, представлялъ уже цѣлую фразу, т. е. мысль, кото-

рую можно было высказать словами. Говоря иначе, древній египтянинъ поступалъ почти такъ же, какъ и нынѣшній индѣецъ. Но со временемъ дѣло повернулось такъ, что египтяне стали обозначать рисунками различныхъ предметовъ не цѣлыя слова, а отдѣльныя буквы (звуки). Какъ это дѣлалось, вы поймете изъ слѣдующаго. Предположите, что я—египтянинъ старыхъ временъ, буквъ русскихъ не знаю, а пишу слова, изображая ихъ рисунками различныхъ предметовъ. Мнѣ нужно, положимъ, напи-

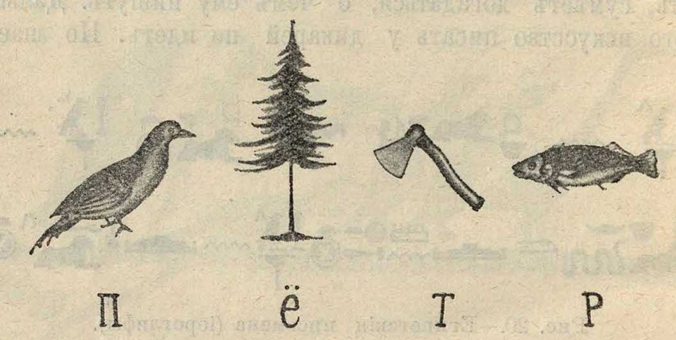

Рис. 21.—Слово, написанное при помощи рисунковъ.

сать имя «Петръ». Оно сложено изъ четырехъ звуковъ (буквъ); П-е-т-р (послѣдній звукъ «ъ» не читается). Что же я дѣлаю? Беру четыре предмета—птицу, ёлку, топоръ и рыбу—и высѣкаю на камнѣ ихъ изображенія въ такомъ порядкѣ: сперва рисую птицу, затѣмъ рядомъ съ нею—ёлку, потомъ—топоръ и, наконецъ,—рыбу. Слово «птица» начинается со звука *п*; слово ёлка начинается со звука *ё*; топоръ—съ буквы *т*, а рыба—съ буквы *р*; затѣмъ складываю начальные звуки всѣхъ этихъ словъ, и у меня получается слово *Пётръ*. Итакъ, какъ видите, съ помощью рисунковъ четырехъ предметовъ мнѣ удалось изобразить на камнѣ имя *Пётръ*. Совершенно такъ же по-

ступали и древніе египтяне. Они условились изображать различные звуки своего языка рисунками различныхъ предметовъ, при чемъ для звука *а* брался предметъ, названіе котораго начиналось со звука *а*; для звука *б* брался другой предметъ, названіе котораго (по-египетски, конечно)

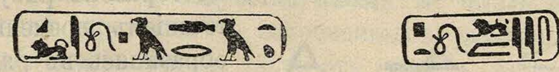

Рис. 22.—Египетскія письмена. Слова: Птолмеесъ и Клеопатра.

начиналось со звука *б* и т. д. Вотъ для примѣра два египетскихъ слова: Птолмеесъ и Клеопатра. Первое—имя египетскаго царя; второе—имя египетской царицы. Въ

Рис. 23.—Египетскія письмена болѣе поздняго времени.

обоихъ словахъ каждый знакъ есть особый звукъ, а изъ всѣхъ знаковъ вмѣстѣ складываются слова *Птолмеесъ* и *Клеопатра*.

Пока египтяне высѣкали свои письмена на камнѣ, рисунки у нихъ получались отчетливые и точные. Но вотъ они изобрѣли для себя особенную бумагу, папи-

русъ [1]), и стали выводить на ней свои письмена чернилами. Тогда рисунки эти стали выводиться бѣгло, небрежно и неясно. Вмѣсто того, чтобы рисовать каждый рисунокъ отчетливо и старательно, писцы начали набрасывать на бумагѣ довольно быстро, въ два-три пріема, даже самые сложные знаки. Такимъ образомъ рисунки съ теченіемъ времени преобразились въ рядъ знаковъ. Обратите вниманіе на приложенный здѣсь рисунокъ (23). Это—тоже египетскія письмена. Тутъ нацарапаны ужъ не предметы, а какое-то подобіе предметовъ. Съ трудомъ повѣришь, что это въ сущности тѣ же знаки, которые употреблялись раньше, но только набросаны они ужъ очень бѣгло, скорописью.

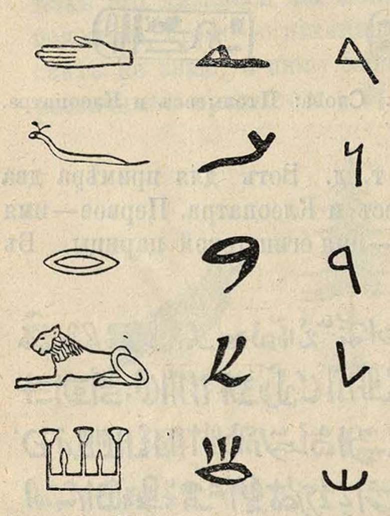

Рис. 24.—Старые и новые египетскіе письменные знаки и буквы финикійской азбуки.

Финикіяне, одинъ изъ древнихъ народовъ, воспользовались египетскими письменами позднѣйшаго времени и придумали изъ египетскихъ письменныхъ знаковъ азбуку. Передъ вами три столбца знаковъ. Въ первомъ столбцѣ—египетскіе письменные знаки того времени, когда они высѣкались еще на камнѣ; второй столбецъ изображаетъ тѣ же знаки, выведенные бѣгло на папирусѣ чернилами; а въ третьемъ

[1]) Бумага, сдѣланная изъ сердцевины особеннаго растенія, которое называется папирусомъ.

столбцѣ приведены буквы изъ финикійской азбуки, которые получились изъ скорописныхъ знаковъ египтянъ.

Финикіяне изобрѣли свою азбуку, какъ полагаютъ, въ X-мъ вѣкѣ до Рождества Христова. У финикіянъ заимствовали азбуку евреи и древніе греки; а отъ грековъ ужъ азбука и искусство писать и читать перешли къ другимъ древнимъ и современнымъ народамъ. Дѣло шло, собственно говоря, такъ: отъ грековъ азбука перешла къ римлянамъ, а отъ римлянъ—къ нѣмцамъ, французамъ и другимъ народамъ Западной Европы; у грековъ же позаимствовался и св. Кириллъ, составитель славянской азбуки, а изъ славянской азбуки произошла та самая русская азбука, которую заставляютъ насъ учить въ раннемъ дѣтствѣ.

Прошеніе индѣйцевъ на кускѣ древесной коры и книжка, напечатанная русскими буквами, — какая громадная разница! Но еслибъ первобытные люди не выводили рисунковъ на камняхъ и на корѣ, то — кто знаетъ? быть можетъ, не существовало бы и русской азбуки!...

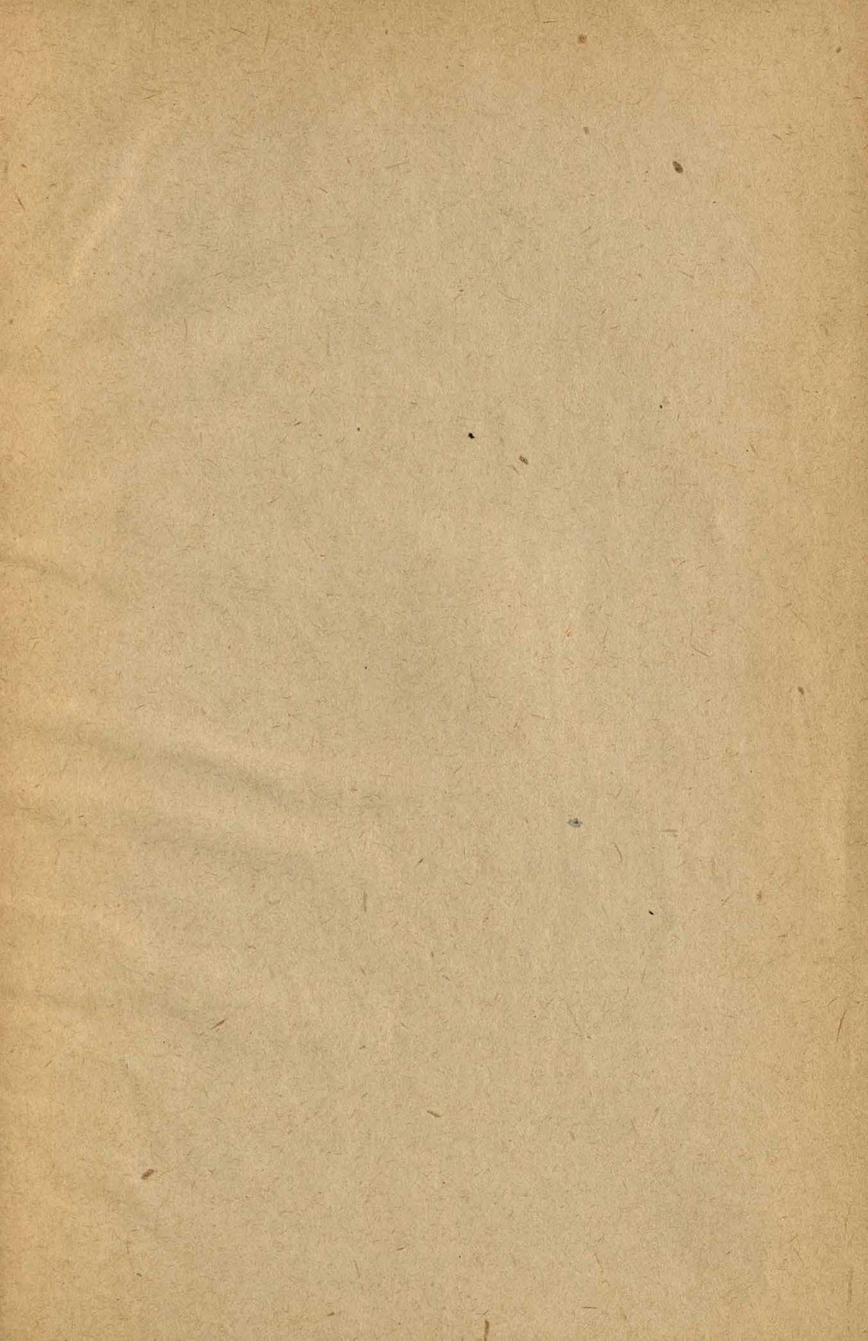
* * *

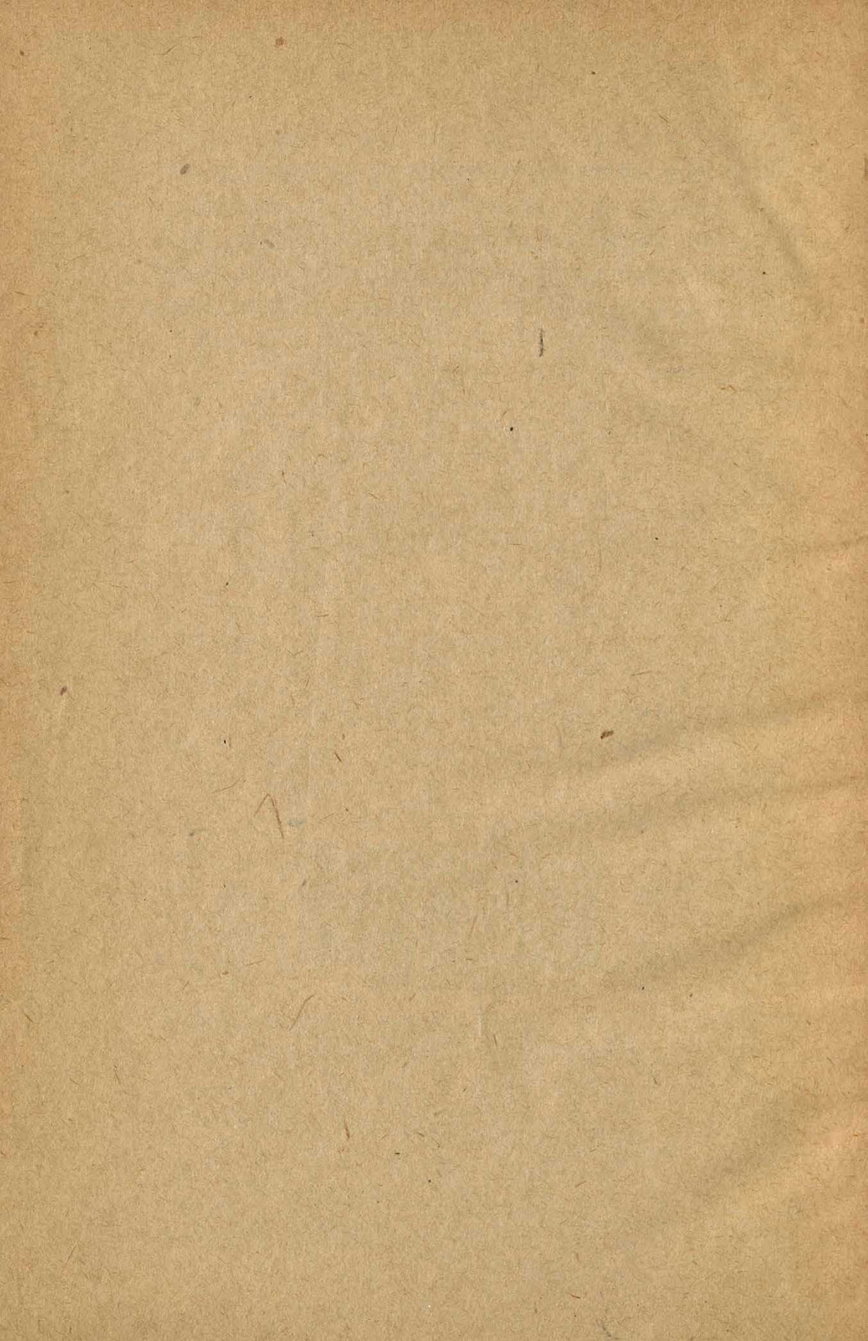
Разсказъ нашъ конченъ. Передъ вами прошелъ рядъ картинъ изъ жизни первобытныхъ людей и современнаго дикаря. Сравнивая ихъ жизнь, ихъ обычаи и нравы, ихъ вѣрованія съ тѣмъ, что дѣлается въ нашихъ селахъ и городахъ, мы должны будемъ сказать: да, разница большая! Многое, очень многое въ жизни первобытнаго человѣка и теперешняго дикаря кажется намъ страннымъ, чуднымъ и непонятнымъ. Но если разобраться толкомъ во всемъ томъ, что вы здѣсь узнали, то придется согласиться, что нѣкогда, въ давно прошедшія времена, наши предки мало въ чемъ разнились отъ нынѣшнихъ бушме-

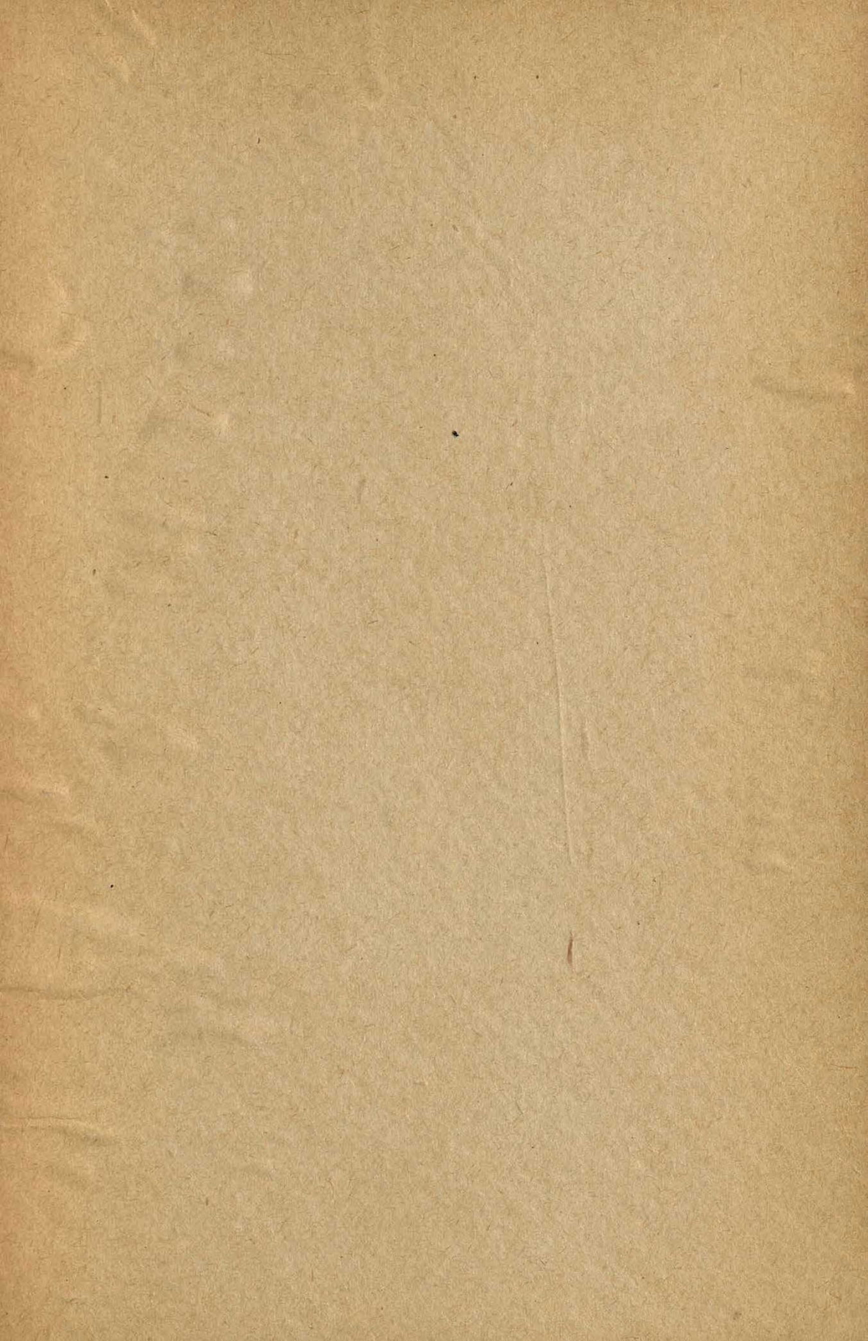
новъ, австралійцевъ и огнеземельцевъ. Прошли вѣка, жизнь подвинулась впередъ, усовершенствовалась, и бывшій дикарь преобразился въ просвѣщеннаго человѣка. Можно, стало быть, надѣяться, что и впредь жизнь не замретъ: люди будутъ дѣлаться все лучше и лучше—просвѣщеннѣе, умнѣе, добрѣе. Въ добрый часъ!..

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА ДЛЯ НАРОДА

В. ЛУНКЕВИЧА.

ПЕРВАЯ СЕРІЯ.

1) Земля. Съ 27 рис. Ц. 14 к.
2) Небо и звѣзды. Съ 37 рисунк. Ц. 14 к.
3) Громъ и молнія. Съ 24 рис. Ц. 12 к.
4) Жизнь въ каплѣ воды. Съ 18 рис. Ц. 8 к.
5) Невидимые друзья и враги людей. Съ 28 рис. Ц. 16 к.
6) Зеленое царство. Съ 36 рисунк. Ц. 16 к.
7) Вѣчи земли и чудеса природы. Съ 26 рис. Ц. 16 к.
8) Землетрясенія и огнедышащія горы. Съ 34 рис. Ц. 25 к.
9) Два великихъ царства природы. Съ 92 рис. Ц. 25 к.
10) Великаны и карлики въ царствѣ животныхъ. Съ 40 рис. Ц. 20 к.
11) Какъ идетъ жизнь въ человѣческомъ тѣлѣ? Съ 33 рисунк. Ц. 16 к.
12) Жилища и постройки животныхъ. Съ 25 рис. Ц. 16 к.
13) Семейная жизнь животныхъ. Съ 28 рис. Ц. 15 к.
14) Общественная жизнь животныхъ. Съ 24 рис. Ц. 12 к.
15) Ростомъ съ ноготокъ, а ума палата (жизнь муравьевъ). Съ 12 рис. Ц. 15 к.
16) Обезьяны. Съ 16 рис. Ц. 15 к.
17) Пчелы, осы и термиты. Съ 16 рис. Ц. 18 к.
18) Вода. Съ 56 рис. Ц. 30 к.
19) Подводное царство. Съ 66 рис. Ц. 20 к.
20) Воздухъ. Съ 27 рис. Ц. 20 к.
21) Степь и пустыня. Съ 41 рис. Ц. 18 к.
22) Тайга и тундра. Съ 24 рисунк. Ц. 14 к.
23) Среди снѣговъ и вѣчнаго льда. Съ 44 рис. Ц. 24 к.
24) Четвероногіе и пернатые хищники. Съ 31 рис. Ц. 18 к.
25) Четвероногіе слуги человѣка. Съ 31 рис. Ц. 23 к.
26) Враги и друзья человѣка. Съ 56 рис. Ц. 28 к.
27) Животныя-кровопійцы и дармоѣды. Съ 24 рис. Ц. 15 к.
28) Растенія-дармоѣды и растенія-хищники. Съ 25 рис. Ц. 15 к.
29) Откуда взялись наши домашнія животныя и растенія. Съ 30 рис. Ц. 15 к.
30) Законъ жизни среди животныхъ и растеній. Выпускъ первый. Борьба за существованіе Съ 51 р. Ц. 24 к. Выпускъ второй. Взаимопомощь. Съ 17 рис. Ц. 12 к.
31) Исторія происхожденія растеній и животныхъ. Съ 18 рисунк. Ц. 18 к.
32) Подземное царство. Съ 84 рис. Ц. 32 к.
33) Исторія земли. Съ 62 рисунк. Ц. 28 к.
34) Каменный уголь. Съ 39 рис. Ц. 20 к.
35) Нефть и соль. Съ 35 рис. Ц. 20 к.
36) Сокровища горъ. Съ 44 рис. Ц. 26 к.
37–38) Чудеса науки и техники.
37) Вып. 1: Паръ и электричество. Съ 67 рис. Ц. 30 к.
38) Вып. 2: Книгопечатаніе.— Фотографія.— Фонографъ. Съ 35 рис. Ц. 16 к.
39–40) Чудеса общежитія.
39) Вып. 1. Съ 114 рис. Ц. 35 к.
40) Вып. 2. Съ 24 рис. Ц. 20 [к.]

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Микроскопическій міръ (Невидимое строеніе животныхъ и растеній).—2) Какъ ра[зм]жаются живыя существа.—3) Мозгъ и душа.—4) Что такое наслѣдственность? 5) [Орга]низмъ и среда.—6) Откуда и какъ пошелъ на землѣ родъ человѣческій.—7) Особь, [ко]лонія и общество.—8) Растенія тайнобрачныя.—9) Какъ развивалась наука о жизн[и]. Выпускъ первый: Сѣдая старина. 10) Какъ развивалась наука о жизни. Выпускъ второй[:] Новые вѣка.